

Элина
Солманская
Подари
мне
надежду

Элина Солманская

Подари мне надежду

«Издательские решения»

Солманская Э.

Подари мне надежду / Э. Солманская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-909534-3

В череде поисков по жизни своего истинного счастья очень важно не заблудиться в своих собственных ошибках, иллюзиях и случайных прохожих твоей судьбы. И тогда, отчаявшись обрести любовь и надежду на счастливое будущее, важно не пройти мимо человека, который предназначен тебе судьбой и на которого ты еще вчера, казалось бы, не обратил никакого внимания. Цикл: «Питерская рапсодия»

ISBN 978-5-44-909534-3

© Солманская Э.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	27
Глава 5	37
Глава 6	45
Глава 7	52
Глава 8	62
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Подари мне надежду

Элина Солманская

Дизайнер обложки Евгения Владон

© Элина Солманская, 2018

© Евгения Владон, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4490-9534-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Полонский остановил свой автомобиль на краю посёлка. Громко работающая строительная техника заглушала крики собравшихся мужчин у единственного, уцелевшего дома.

Ростислав слегка приоткрыл окно автомобиля, и с интересом взглянул на столпившихся людей у калитки.

Мужчина лет пятидесяти расталкивал в стороны молодых людей в рабочих комбинезонах, стоявших у ворот его дома и намеревающихся пройти во двор. Он размахивал руками в угрожающих жестах и что-то громко выкрикивал.

Ростислав перевёл взгляд на двух женщин, стоявших у забора рядом с возмутителем спокойствия. Одна из них, судя по возрасту, была его жена, а вторая дочь.

Полонский приехал сюда сразу же, после звонка своего заказчика и по совместительству нового хозяина этой земли, где прежде располагался небольшой посёлок Луговое. Это место ныне предназначалось для постройки современного коттеджного посёлка, с подведением всех благ цивилизации и отличной, асфальтированной дорогой. Его фирма выиграла тендер на проведение строительства, но начало работ ежедневно откладывалось.

Все жители посёлка давно покинули это место и переехали в город, где им были предоставлены квартиры. И только один дом, находившийся на краю улицы, пока стоял нетронутым и по-прежнему был населён людьми.

Полонский до сегодняшнего дня не был в этом месте ни разу, и получал всю необходимую ему информацию от своего заместителя. Но сегодня он приехал сюда лично, отложив все свои дела, как только заказчик позвонил ему по телефону, и попросил срочно приехать для разрешения сложившейся спорной ситуации.

Ростислав повернул голову на открывшуюся дверь своей машины и внимательно посмотрел на Алеуцкого, который опустился на сидение с ним рядом.

– Приветствую, Ростислав Андреевич, – мужчина протянул свою руку.

– Добрый день, Марк Аркадьевич, – Полонский ответил на рукопожатие. – Что здесь происходит? – он кивнул в лобовое стекло.

– Сам видишь. Бьёмся уже не один день вместе с твоими работниками и по-прежнему топчемся на месте. Этот чёртов Урбенин, путает нам все планы.

– Почему?

– Отказался уезжать отсюда, и порвал на моих глазах документы на квартиру, что я передал ему.

– Его что-то не устроило?

– Что его может не устроить? Нормальное жильё предлагают. Я сам ездил, смотрел.

– Тогда в чём дело?

– Он сказал, что не уедет отсюда. Потому что это дом его родителей. Здесь родился он сам, и уезжать отсюда никуда не собирается.

– Да, дилемма. Давно такого не было. Не понимаю. Ведь здесь нет нормальных дорог и условий для проживания. Как они здесь живут и почему так держаться за это место? Ведь жизнь в квартире могла быть совсем иной.

– Вот и я ему говорил об этом. Но ты же знаешь, как с этими бывшими вояками разговаривать. Слушать никого не хотят и живут по своему личному уставу.

– Он бывший военный?

– Пограничник, полковник в отставке. Приехал сюда с Дальнего Востока десять лет назад, оставив службу по причине конфликта.

– Конфликта?

– Да, был заместителем командира части, и смена руководства повлияла на его решение об отставке. В общем как это всегда бывает, прислали на место его командира, блатное протеже какого-то чиновника. Ну и Урбенин естественно и там стал качать свои права, и после того, как вернуть прежнего командира не удалось, подал рапорт и вместе с женой и дочкой вернулся в эти края.

– А почему именно сюда?

– Здесь жили его родители, и после приезда он поселился тоже в этих краях, откуда был сам родом. Ты знаешь, дом у него действительно неплохой, несмотря на простоту снаружи. Большие комнаты с хорошим ремонтом, огромный фруктовый сад, теплица и шаговая доступность к озеру.

– А это его семья? – Полонский кивнул в сторону двух женщин, по-прежнему стоявших у забора.

– Да, жена и единственная дочь.

– Работают?

– Да, в Санкт-Петербурге. Жена, заведующая хозяйством в детском саду, и дочь работает там же воспитателем.

– Ну, тогда им тем более будет удобнее жить в городе. К чему мотаться каждый день туда и обратно по этому бездорожью.

– И я им говорил об этом. Только их разве переубедишь. Особенно этого горлопана, – Алеуцкий кивком головы показал на Урбенина, по-прежнему громко выкрикивающего оскорбления в адрес рабочих.

– Может, я с ним поговорю? – спросил Полонский.

– Попробуй. Только сомневаюсь, что он тебя послушает, хотя...

– Попробую... – Ростислав открыл дверь и медленно направился к потасовке, грозившей с минуты на минуту перерасти в драку. – Что здесь происходит? – громко произнёс он, обращаясь к своему заместителю. – Даниил, что это за потасовка?

– Слава, это дурдом какой-то! Я уже не знаю, как его уговаривать.

– Оставьте нас. И заглушите технику на несколько минут, разговаривать невозможно.

Куликов согласно кивнул и, отозвав рабочих, отошёл в сторону.

Когда воцарилась тишина, Полонский перевёл взгляд на мужчину, стоявшего у ворот своего дома. Высокий, худощавый, со светло-русскими волосами и яростным взглядом.

Мужчина в свою очередь с лёгким прищуром глаз осматривал Полонского с ног до головы.

– Добрый день, господин Урбенин, – обратился к нему Ростислав.

– Я тебе не господин, и день у меня сегодня не добрый. Ты хозяин этих варваров? – он показал жестом в сторону рабочих.

– Я не хозяин. Эти люди работают на моём предприятии, – спокойно ответил Полонский.

– Работаете... Вы работаете на тех, у кого денег в карманах много. Думаешь, я не знаю, что вы тут построить задумали? Очередной посёлок для бизнес-элиты, а меня родившегося в этом месте вышвырнули на улицу вместе с семьёй.

– Вас никто не собирается вышвыривать, тем более на улицу. Вам предоставили квартиру в городе. А посёлок ваш давно изжил себя и был почти заброшен. Пять дворов всего, и большая часть территории пустовала, заполненная руинами брошенных домов.

– А пять семей для вас уже не люди? Пять семей, которые не погнались за большими деньгами и остались на своей родной земле. Это не люди?

– Я этого не сказал, и не я решал вопрос с вашим переселением. Я всего лишь подрядчик, который будет заниматься строительством будущего объекта.

– Видно, какие объекты ты строишь по твоему холёному виду и дорогущей машине, – Урбенин с пренебрежением во взгляде обвёл глазами Полонского.

– Что вы хотите этим сказать?

– Хочу сказать, что вы уже всё продали в этой стране за деньги. Но я отсюда не уеду и сносить свой дом не дам. А ты лучше проваливай, пока я не испортил твой холёный вид.

– Послушайте, но вы ведь взрослый человек и понимаете, что вас всё равно выселят, потому что ваш посёлок давно считается заброшенным, и решение о его сносе принято властями области ещё год назад. Вам предоставили квартиру в городе. Вам будет там удобнее, ведь ваша жена и дочь работают там.

– Всё уже узнал? А ты бы узнал ещё так, между прочим, на каком этаже дали нам эту дивную как ты выразился квартиру. Старая пятиэтажка без лифта с облезлыми стенами. У меня дочь инвалид и каждый раз, думаешь, ей будет легко спускаться утром и подниматься вечером, чтобы ходить на работу.

Полонский перевёл взгляд на девушку, которая уткнувшись в плечо матери, тихо плакала.

– А что с ней?

– Тебя это не касается! Проваливай отсюда! – закричал Урбенин и, отвернувшись от него, подошёл к жене и дочери.

– Слава, оставь их. Хватит уговаривать, – Куликов тронул рукой за плечо друга. – Сейчас приедет полиция, и будем выселять их принудительно.

– Полиция? Зачем?

– Слава, у нас постановление о выселении, сроки и заказчики. Мы не можем нянчиться с ними и дальше.

– Ростислав, он прав. Я говорил, у тебя ничего не получится с этим человеком. С ним бесполезно разговаривать, – Алеуцкий тронул Полонского за плечо. – Поезжай в офис. Мы тут сами управимся.

Ростислав, обернувшись, снова посмотрел на мужчину и двух женщин, стоявших у ворот обнявшись.

Сердце резануло острой болью. Ещё никогда в своей жизни он не испытывал подобного стыда от того, что происходило на его глазах. В такие моменты всегда хотелось что-нибудь изменить, помочь, но он понимал, что сделать в данной конкретной ситуации ничего не сможет. Он всего лишь исполнитель и это не его земля, чтобы одним распоряжением оставить семью Урбениных жить здесь по-прежнему.

Он молча кивнул в знак согласия и направился к своей машине, но едва он открыл дверь автомобиля, громкие крики снова заставили его обернуться. Удары, которые наносил Урбенин сотрудникам его охраны, пытающихся скрутить его, заставили Ростислава бегом направиться обратно к воротам дома.

– Папа, папочка! Пустите его! Отпустите!

Полонский резко замер на месте, заметив, как девушка, вцепившись в руку одного из мужчин, попыталась вызволить своего отца. Она с трудом передвигалась, сильно хромя, но изо всех сил пыталась справиться с сильным мужчиной, впиваясь ногтями ему в лицо.

Скрутив её руки, охранник резко оттолкнул её от себя.

Девушка потеряла равновесие, осела на землю и расплакалась уже в голос.

Мать бросилась к ней и опустилась рядом с дочерью.

Полонский стремительно направился к ним обеим и протянул руку, пытаясь помочь им подняться. Но встретившись взглядом с серыми глазами полными слёз и боли, он машинально опустил свою ладонь.

– Убирайтесь, отсюда! – тихо произнесла девушка и, ухватившись пальцами за руку матери, поднялась на ноги и сильно прихрамывая, направилась к дому.

– Вам действительно лучше уехать, прошу вас, – обратилась к нему Урбенина, осторожно коснувшись пальцами его руки. Женщина медленно направилась к полицейской машине, куда уже усадили её мужа.

Полонский молча смотрел в спину девушки, которая дошла до дома и скрылась за дверью. Он вернулся к своей машине и присел за руль.

Когда полицейская машина покинула территорию посёлка, и спецтехника снова заработала, Алеуцкий опустил на сидение рядом с Полонским в машине.

– Да, денёк... Слушай, ты извини, что вызвал тебя и оторвал от дел.

– Это и есть моё дело, которое сейчас волнует меня в первую очередь. Моя фирма собирается работать на этом месте, если ты не забыл.

– Слава, что с тобой?

– Марк, они живые люди, а мы с ними как с рабами, решили и всё. Как будто, так и надо.

– Слава, ты же знаешь, кем будут будущие хозяева этого посёлка. И не нам с тобой вставлять им палки в колёса. Не по зубам нам эти господа. Мы пешки на их шахматной доске. Ты же не первый год работаешь в сфере элитного жилья.

– Но с таким я столкнулся впервые.

– Всё и всегда происходит когда-то впервые. Брось ты, думать об этом, – Алеуцкий похлопал Полонского по плечу. – Не стоит этот Урбенин твоих переживаний, поверь мне. Или ты на его девчонку запал?

Полонский резко повернулся.

– Что ты мелешь?

– А что, тут такого. Она хорошенькая. Замарашка, правда, убогая. Неухоженная, да и эта её хромота...

– Она родилась такой?

– Нет. ДТП два года назад. Сбили на пешеходном переходе, когда она шла домой с работы. Тяжёлые травмы, долго восстанавливалась и заново училась ходить, но правая нога так и не восстановилась.

– Виновника наказали?

– Нет.

– Почему?

– Потому что, как известно родственников не наказывают.

– Что за бред?

– Не бред. Виновник происшествия ходил к ней в больницу после всего случившегося. Обивал пороги, носил продукты, ухаживал, ну и видимо на этой волне между ними и проскочило что-то.

– То есть?

– Он женился на ней через год, как только она поправилась.

– Так она замужем? Почему же тогда сейчас живёт с родителями?

Алеуцкий усмехнулся.

– Потому что он сбежал от неё через три месяца брака. Видимо не выдержала любовь проверки на прочность.

– В смысле не выдержала?

– Слава, ты взрослый мужик и поставь себя на место её мужа. Сам бы ты с такой, как она, захотел лечь в постель? Или представил бы её своим друзьям и партнёрам?

Полонский пристально посмотрел на Алеуцкого.

– А когда он женился на ней, он её физического несовершенства не видел?

– Видел, конечно. Только я думаю, тут дело было вовсе не в его желании жить с ней, а в желании избежать наказания за содеянное. Ты же уже познакомился с её папашей.

Думаю, после ДТП, было что-нибудь похожее, и Иверский предпочёл жениться, чем угодить за решётку.

– Чем он занимается?

– Держит торговые точки на рынке. Так мелкая сошка. Подворовывает естественно, но весомые знакомства в сомнительных кругах имеет.

– Ясно. Что теперь будет с Урбениным?

– Ничего. Отсидит положенные пятнадцать суток. Правда если твоя охрана не захочет подать заявление о рукоприкладстве и обратиться в суд, и тогда срок его задержания в разы увеличится. За эти полмесяца пока его не будет, мы их сможем переселить, дом снесём, всё разровняем, и можете начинать работу.

– Да, начнём работу на чужих костях.

– Славик, да брось ты, абстрагируйся уже, наконец! Всех обездоленных не пожалеешь, сердца не хватит. Ладно, я поеду. Мне в мэрию нужно. Созвонимся позже, хотя лучше я приеду к тебе в офис, и решим дальнейший план проведения работы.

– Хорошо. Куда увезли Урбенина?

Алеуцкий удивлённо посмотрел на Полонского.

– Тебе зачем? Слава, послушай...

– Марк, я только спросил, куда его увезли.

Алеуцкий немного помедлил.

– В местное отделение полиции.

– Понятно.

– Хочешь вызволить его? Ох, Слава не дело ты затеял. Ладно, я поеду. Пока!

– Пока.

Марк покинул машину, а Полонский ещё раз взглянул на старый дом, завёл двигатель автомобиля и покинул территорию бывшего посёлка.

Ростислав остановил машину у отделения полиции и, покинув салон, взбежал по ступеням лестницы. В течение нескольких минут побродив по многочисленным кабинетам, он, наконец, нашёл нужного сотрудника полиции и, заверив его в том, что все жалобы и претензии, пострадавших в потасовке от рукоприкладства были урегулированы, попросил отпустить Урбенина домой. Его проводили к задержанному нарушителю в комнату и оставили на несколько минут для разговора, о котором попросил Ростислав.

Урбенин взглянул на вошедшего в комнату мужчину и отвернулся к стене.

– Зачем пожаловал, олигарх?

– Я не олигарх.

– Вы для меня все одним миром мазаны в дорогих костюмах, на дорогих машинах, с полным отсутствием человечности и лишь с одним блеском в глазах, алчным до денег и наживы.

– Владимир Егорович, ну зачем вы так? Меряете всех по одной мерке.

Урбенин повернул голову и усмехнулся.

– А ты скажешь не такой? Не смейся меня. Я вас господ перевидал в избытке за последний месяц, пока обивал пороги чиновничьих кабинетов. Так что проваливай, я не расположен с тобой общаться.

– Послушайте, Владимир Егорович, – Полонский присел рядом с мужчиной. – Выслушайте меня. Я понимаю, что вы привыкли жить в этом доме, но решение принято властями области. Ваш посёлок давно стал заброшенным, и все ваши соседи давно переехали, остались только вы. И даже если вы там костями ляжете, стройку никто не остановит. Вам же предоставили жильё в городе. Оно по цене равноценно вашему дому. Меня уверили, что квартира вполне пригодна для проживания.

Урбенин прищурил глаза и пристально посмотрел на Ростислава.

– А ты сам живёшь в квартире?

Полонский слегка растерялся.

– В доме.

– С садом и большой прилегающей территорией?

– Да.

– Вот и я хочу жить в таком доме. Хотя подозреваю, что твой дом на пару этажей выше моего, и обстановка в сто раз дороже.

– Но при чём тут это сравнение?

– А чем я хуже тебя? Я тоже не хочу сидеть в четырёх стенах на окраине города, с окнами видом на мусорный полигон, а хочу прожить остаток своих дней в своём родном доме и любоваться природой в своём саду, посаженного руками моего отца, а не лицезреть загаженный разным хламом овраг, у которого находится мой новый дом.

Полонский внимательно посмотрел на мужчину.

– Почему же другие ваши соседи согласились на эти квартиры, если там всё так плохо? Почему вы не выступили с коллективной жалобой? Эффект от такого возмущения был бы гораздо более эффективным.

Урбенин усмехнулся.

– Кто соберётся выступить против власти и денег?

– А как же вы?

– А я не могу смотреть спокойно на всё, что происходит вокруг меня, и никогда не смирюсь с этим бардаком, сложившимся в стране.

– Вы тратите своё здоровье и заставляете нервничать свою жену и дочь.

– Смотрите-ка на него, пожалел он мою жену и дочь. Уже был один такой пожалевший, как ты. Сначала искалечил мою дочь на дороге, потом разбил ей ещё и сердце. Тоже был такой, как ты деловой и хваткий.

– Мне очень жаль, что с вашей дочерью случилось подобное несчастье. Поэтому я думаю вам нужно в первую очередь подумать о ней. Как она будет жить одна, если с вами что-нибудь случится? Ведь вы совсем не думаете о себе и своём здоровье.

– Ничего, моего здоровья хватит на сотню, таких как ты, слизняков в деловых костюмах. Говоришь, я не думаю о своей дочери, связываясь с вами и отказываясь покинуть свой дом. У тебя есть дети?

– Нет.

– Вот поэтому ты меня никогда и не поймёшь. Ты надеюсь, заметил, что у неё травма ноги?

Полонский молча кивнул.

– Так вот, представь, как она будет спускаться и подниматься каждый день утром и вечером, когда будет идти и возвращаться с работы. Знаешь, сколько ей на это понадобится времени и сил. Этот дом, который вы собрались, сносить вылечил её, когда после аварии врачи буквально собрали её по частям. Дом и сад вылечили её, а ты говоришь переезд на другое место.

– Я всё это понимаю. Хотите, я съезжу в мэрию области и поговорю, возможно, учитывая вашу ситуацию, вам предоставят другое жильё. Более комфортное и на первом этаже.

Урбенин резко повернулся.

– Слушай, я что-то понять не могу... Что тебе нужно? Что, больше всех надо? Или хочешь прослыть добрым самаритянином, а потом раструбить об этом во всех газетах?

– Мне не всё равно, лишь по одной причине. Моя фирма будет строить коттеджный посёлок, поэтому я должен быть в курсе всего, что происходит на строительной площадке. И раз уж я стал свидетелем вашего возмущения, то мне хочется помочь вам.

– Как тебя зовут?

– Ростислав.

– Доброе имя. Так вот, Ростислав, мой тебе совет, уходи отсюда и занимайся своими делами. А я рассчитываю в этой жизни только на себя и поверь, обойдусь без твоей помощи. Уходи!

– Но, Владимир Егорович, подумайте над моим предложением.

– Я сказал, уходи. Убирайся! – закричал Урбенин.

Полонский поднялся на ноги.

– Вас отпустят домой через два часа. И я вас очень прошу, поезжайте домой, и собирайте вещи. Не усугубляйте своё положение. До свидания.

Урбенин отвернулся и не произнёс больше ни слова.

Полонский распахнул дверь комнаты и столкнулся с дочерью Урбенина на пороге.

Она слегка растерялась, но уже через минуту удостоила его взгляда полного презрения и, отвернувшись, прихрамывая, медленно прошла в комнату и присела возле отца, надевая на него пиджак и обнимая его руками за плечи.

Полонский молча смотрел на них и через минуту тяжело вздохнув, вышел из комнаты, плотно закрывая за собой дверь.

Он присел в машину и, взяв телефон в руку, обзвонил своих знакомых, пытаясь найти концы этой истории с переселением жителей посёлка. Но каждый из его собеседников перекладывал ответственность с одного на другого.

В попытках разобраться с вопросом квартиры для Урбениных, Полонский окончательно зашёл в тупик. Жильё было выделено из резервного фонда города. И несмотря ни на какие причины, сложившиеся в этой семье, отменять данное решение никто не собирался.

Глава 2

Ростислав приехал в офис только спустя три часа. Поздоровавшись с секретарём, медленно прошёл в свой кабинет и остановился у окна.

Июль вступал в свои права, и окончательное тепло наступило неожиданно. Вишни в саду его офиса источали в приоткрытое окно дурманящий аромат поспевающих ягод. Нежный, кисло-сладкий и такой знакомый, и любимый с детства вкус. Всегда любил сидеть с книгой по архитектуре в руках, у родителей в саду, именно в этот период. Гул насекомых, нежный аромат цветов, тёплый ветер ласкающий лицо и мечты о том, как станет взрослым и станет успешным и преуспевающим. Он и стал таким, как мечтал, вот только спокойствия и счастья в его жизнь это не принесло.

Протянув руку, сорвал две вишни и надкусил ароматную кожицу. Сочная с лёгкой кислинкой сладкая ягода заставила зажмурить глаза от удовольствия.

Он подошёл к столу, и присев в кресло, с грустью во взгляде посмотрел на фотографию Лизы. До сих пор не знал, почему хранил на столе фотографию бывшей жены. Прошёл месяц, как она вышла замуж за другого, а он всё ещё продолжал думать о ней. Несмотря на то, что когда покидал её свадьбу, точно знал, что прощается с ней навсегда. И медленно направляясь к своей машине от её дома в день свадьбы, хотел похоронить это своё безответное чувство именно там в Отрадном.

Поэтому в тот же день, вернувшись в Санкт-Петербург, не задумываясь согласился на знакомство и свидание с бывшей сокурсницей своей сестры. Его неуёмная Олюшка, как он её нежно называл, никак не хотела смириться с его одиночеством после развода с Морозовой, и непременно хотела устроить его личное счастье с хорошей женщиной. Поэтому, когда он согласился на это сомнительное свидание, она вздохнула, наконец, с облегчением.

Камилла Полторацкая оказалась очень красивой и самодостаточной молодой женщиной. Вернувшись после развода с мужем из-за границы, поселилась у своей матери и подыскивала себе работу переводчика.

Ростислав взял её в штат своей фирмы и назначил на должность своего помощника. Устроенное сестрой их знакомство, первоначально переросло в рабочий тандем, и спустя всего неделю после многочисленных задержек на работе над совместными делами, они стали жить вместе в его доме.

Между ними не было особых пылких чувств и бешеных страстей. Они оба пришли к этим отношениям осознанно, потому что каждый искал чего-то своего, какую-то личную отдушину, необременительную и понятную им обоим. Совместная работа, общий быт и постель, где оба получали всё, что им было необходимо.

Но Ростислав ловил себя на мысли, что домой после работы частенько возвращаться не хотелось, как это было, когда он жил с Лизой. И постоянно под предлогом оставался на работе допоздна, объясняя своё отсутствие вечной занятостью и массой дел.

Камилла безоговорочно принимала все его отговорки, веские причины и ужинала одна, а после убегала на тренировку по фитнесу вместе с его сестрой. Они выбирались периодически на совместные вылазки на природу с семьёй Ольги. Но Камилла там быстро уставала и просилась домой. А когда Ростислав привозил в свой дом на выходные единственного племянника пятилетнего Максимку, закрывалась в своей комнате и не примыкала к их мужской компании.

Они не страдали от её отсутствия рядом. Им и двоим, всегда было весело, когда оказывались в доме Полонского вместе. Ростислав обожал мальчишку, потому что давно мечтал о своих детях и только с Максимом рядом, мог реализовывать все свои нерастроченные отцовские чувства. И всё чаще стал задумываться о том, что они с Камиллой абсолютно разные люди. И чего-то общего, что могло бы их связать в дальнейшей жизни, между ними не было.

Телефон завибрировал на столе. Полонский повернул голову и, взяв аппарат в руку, взгляделся в экран. Высветившийся образ любимой сестры, заставил его улыбнуться.

– Привет, Олюшка!

– Привет, братик. Как дела?

– Всё в порядке. А у тебя?

– У меня проблема.

– Какая?

– Дима уезжает в командировку сегодня после обеда, а у меня завтра важный бракоразводный процесс. На кону большие деньги клиентки и влиятельный муж с цепким адвокатом. И если я проиграю это слушание, то не получу своего обещанного гонорара.

– Тебе нужна моя помощь?

– Ростик, забери, пожалуйста, Максимку из садика сегодня, и можно... он останется у тебя с ночёвкой?

– Оля, мне ведь завтра на работу. Я боюсь, что не смогу...

– Ну, пожалуйста. Я тебя очень прошу! Я тебя так редко прошу об этом.

– Да уж. Дважды в неделю это для тебя редко?

– Ростик, ну чего тебе стоит? К тому же, ты ведь знаешь, он так тебя любит и просится к тебе постоянно в гости.

Ростислав вздохнул.

– Запрещённый приём. Ну, хорошо. А что мне делать с ним завтра? Вести в сад?

– Да. Ты его только привези к садика, а в группу он зайдёт сам. Он у нас парень самостоятельный. Ты знаешь, я думаю, что скоро я не буду тебя беспокоить так часто. Потому что планирую нанять подходящую няню на определённые дни, когда я занята.

– Ты с ума сошла? Какая подходящая няня? Ребёнок должен видеть мать, а не няню.

– Ну что я могу поделать, если у меня процесс за процессом. Ты же помнишь, с каким трудом я нашла эту работу после декрета, и не могу вот так просто её потерять сейчас. Наше общее семейное благополучие зависит от нашей совместной с Димой работы.

– Вот Дима твой, мог бы, и подумать сам о том, как увеличить бюджет вашей семьи, а ты должна заниматься домом и ребёнком, как наша мама. Ты очень мало уделяешь времени и даёшь ласки своему сыну.

– Ростик, я знаю, что ты старший брат и тебе положено ворчать и воспитывать меня. Но пойми, сейчас необходимо детям предоставлять полную самостоятельность. Они должны учиться и быть готовыми к этой жизни, преисполненной крутыми порогами постоянных преодолений и испытаний. Я вырабатываю у него иммунитет с детства.

– А нежность и ласку матери ему тоже заменит твоё современное воспитание?

– Он у меня обласкан, не волнуйся. Ты бы лучше о своих детях подумал. Не пора ли Камиллу разговорить на этот вопрос. Ей уже давно пора рожать.

– Ты с ума сошла! Мы с ней знакомы чуть больше месяца, а ты предлагаешь мне от этой женщины завести детей.

– А что здесь такого? Я забеременела от Димы, через месяц после того, как мы сошлись жить вместе.

– Вы с Димой учились вместе в школе десять лет, и знали друг друга как облупленные, а мне предлагаешь решать вопросы своего будущего со случайной женщиной, появившейся в моей жизни.

– А тебе принцессу английскую подавай для этих целей? Или может, всё ещё надеешься, что Морозова к тебе вернётся. Так вот уверяю тебя, отбрось все свои иллюзии, она не вернётся. Она ждёт ребёнка от Азаряна.

– Ребёнка? Откуда ты знаешь?

– Я встретила их в аэропорту на прошлой неделе, когда они возвращались с Родоса. Знаешь, там животик уже приличный, так что пора выбросить её из головы и начать строить свою собственную жизнь без оглядки на прошлое.

Полонский задумчиво смотрел в окно и пытался осмыслить только что полученную информацию от сестры о своей бывшей жене.

– Ты чего молчишь?

– Слушаю тебя.

– Надо не слушать, а делать. Тебе тридцать шесть лет, и ты и дальше собираешься жить один? Старость подкрадётся, не заметишь.

– Оля, давай, оставим эти разговоры на потом, и не будем обсуждать их по телефону.

– Ну как хочешь. Так ты заберёшь Макса с садика?

– Заберу. Во сколько я должен быть в саду?

– Крайний срок шесть часов. Но желательно до такого времени не задерживаться. Я позвоню воспитателю и предупрежу, что сегодня приедешь ты. Да, и не балуй его, пожалуйста, с едой. После ваших совместных выходных, я не могу в него впихнуть ни чего из тех продуктов, что мы едим дома.

– Оля, твои обезжиренные продукты ребёнку не нужны. Ему нужно питаться полноценно и желательно не полуфабрикатами, как это привыкли делать вы.

– Ну, извини, я пока не могу позволить себе нанять обслуживающий персонал, как у тебя.

– Ну, ты же знаешь, что мне трудно одному справляться с домашним хозяйством.

И помощники вынужденная мера.

– А Камилла? Что же она не балует тебя семейными ужинами?

– Она работает целый день рядом, и мы возвращаемся домой вместе.

– Повезло ей. Мой муж не думает о том, что мне трудно помимо работы ещё и хозяйство вести дома. Потому и приходится перебиваться быстрой едой.

Показавшийся на пороге заместитель, заставил Полонского попытаться прекратить разговор с сестрой.

– Ладно, Оля, ты извини, но у меня люди в кабинете. Максимку я заберу, не волнуйся. Потом сразу позвоню, как только мы приедем домой.

– Хорошо, спасибо тебе большое. Целую.

– Я тебя тоже целую. Пока.

– Пока.

Полонский отложил телефон в сторону.

– Что не проходишь? – обратился он к Куликову и поднял на него глаза.

Темноволосый, стройный, невысокого роста мужчина в строгом деловом костюме чёрного цвета нерешительно прошёл в центр кабинета и тяжело опустился в кресло.

– Ты не в духе? – обратился он к Ростиславу.

– С чего ты взял? – Полонский отложил в сторону бумаги, оставленные секретарём на подпись. – Как дела на объекте?

– Ты о Луговом?

– Да.

– Ничего, всё вроде бы улеглось. Наши бунтовщики начали, наконец, собирать свои вещи.

– И полковник?

– Да. Думаю, жена и дочь уговорили его. Так что уже завтра мы сровняем эту площадку с землёй.

– Не нравится мне вся эта идея с выселением. Ты думаешь Урбенин просто так успокоится?

– Это его трудности, пусть пыжится. Слушай, Слава, я не понимаю твою озабоченность всем этим делом. Это не наша головная боль. Наше дело спроектировать и построить, а дело хозяев земли решать вопросы с проживающими на ней.

– Да, если бы они ещё были более гуманны эти способы выселения, и более чуткими те люди, которые это осуществляют.

– Да брось ты, всех не пожалеешь. Я понимаю, ты расчувствовался из-за дочки Урбенина. Жаль её, конечно. Инвалидность, это всегда неприятно, но что мы можем сделать?

– Я предложил ему решить вопрос с квартирой, но он...

– Послал тебя?

– Практически да.

– Прекрати думать об этом. Тебе нужно думать о том, сколько прибыли получит фирма после этого строительства. Ты ведь знаешь, уровень тех людей, которые там уже присмотрели места для своих домов? Вот, о ком нам нужно думать, чтобы убажить и порадовать, а мелкий сор типа Урбенина только путается под ногами и мешает другим нормально жить.

– Даниил, я тебя не узнаю в последнее время. Откуда в тебе всё это? Если человек всю жизнь верно и преданно защищал границы своей страны, а сейчас на пенсии и не имеет больших денег, он что, ущемлен? Кто дал тебе право так о нём отзываться?

– Это я тебя, Слава, не узнаю. Развод с Морозовой и твоё отсутствие в течение двух месяцев на предприятии, сделало тебя совсем другим. Ты стал слишком сентиментален. Не находишь? С таким настроем ты скоро всё потеряешь. В бизнесе нужен холодный рассудок и выдержка. А ты сочувствуешь каждому обездоленному. Так дела не делаются.

– Только не тебе меня учить, как делаются подобные дела. Ты работаешь со мной только три года вместе и смеешь мне говорить о том, как правильно вести бизнес, который я создал с нуля. Не волнуйся, всё, что касается работы, я делаю, так как нужно. А ты сам начни думать лучше о своих обязанностях. Я просматривал сметы за прошлый проект вчера. Тебе не кажется, что там цифры стоимости материалов слишком завышены. Мне не нравятся те поставщики, с которыми ты заключил договор в прошлом году.

– Ты мне не доверяешь?

– Причём тут не доверяешь! Я просто считаю, что тебе необходимо ещё раз проверить всех новых контрагентов и устранить всех нежелательных. Надеюсь, ты справишься сам, и мне не нужно будет привлекать нашу службу безопасности.

Куликов нервно постукивал кончиками пальцев по кожаному переплёту ежедневника.

– Не доверяешь мне, проверяй сам. Можешь привлечь своих опричников.

– Не злись. Я тебе доверяю. И ты прекрасно справлялся со своими обязанностями, пока я был в Швейцарии два месяца. Но сейчас, ты словно расслабился, отпустил бразды правления и пустил все дела на самотёк. Я хочу, чтобы ты всё проверял и был предельно внимательным.

– Хорошо, я понял. Я пойду с твоего позволения, обед скоро. Ты не забыл, что завтра у нас деловой ужин с нашими партнёрами из Мадрида?

– Я совсем забыл об этом. Хорошо, что напомнил.

– Да, и желательно, чтобы там ты был не один, потому что Алонсо Санчес тоже придёт со своей новой возлюбленной. И я думаю, нам понадобится переводчик, он плохо говорит по-русски.

– Скажу Камилле, она будет счастлива. Она любительница светских раутов и выходов в свет.

– Она создана для этого. Ослепительная красавица. Тебе повезло. Я тебе завидую, – Куликов улыбнулся.

Ростислав промолчал и, отложив бумаги в сторону, спросил:

– Где она, кстати?

Куликов пожал плечами.

– Была в офисе.
– Я не видел её в приёмной, когда пришёл.
– Может, уехала. Спроси у своего секретаря.
– Непременно. Даниил, ты извини я на обед с тобой сегодня не поеду. Хотел немного поработать в кабинете.

– Хорошо, – Куликов поднялся на ноги и, прихватив ежедневник, покинул кабинет Полонского.

Ростислав поднял трубку и вызвал секретаря. Стройная молодая девушка в деловом костюме серого цвета и убранными в элегантную классическую причёску белокурыми волосами, появилась на пороге его кабинета.

– Снежана, заberi папку с документами. И ещё, мне нужно уехать сегодня пораньше из офиса. Так что никого не записывай ко мне на приём после пяти вечера.

– Хорошо, Ростислав Андреевич. Что-то ещё?

– Ничего, ты можешь идти. Я сама приму все указания, – раздался тихий женский голос за спиной девушки.

Но секретарь осталась стоять на месте.

Ростислав поднял глаза и посмотрел на Камиллу, которая прислонившись плечом к двери, внимательно на него смотрела.

Красивая брюнетка с тонкими чертами лица, длинными распущенными волосами по плечам, в брючном костюме ярко-голубого цвета медленно продефилировала к его столу и опустилась в кресло прямо перед ним.

– Снежана, можешь идти, – тихо произнёс Ростислав, и снова перевёл взгляд в компьютер.

Девушка развернулась, и медленно направилась на выход из кабинета.

– Почему она меня не слушается? – Камилла несколько раз легко стукнула острыми ноготками, со свежим маникюром по подлокотнику кресла и внимательно посмотрела на Ростислава.

Полонский поднял на неё глаза.

– Потому что она выполняет только мои распоряжения. Камилла, ты всего лишь мой помощник и по совместительству переводчик, и в твои обязанности не входит отдавать распоряжения моим сотрудникам.

– У тебя что-то случилось?

– Ничего, а почему ты спрашиваешь?

– Просто ты так разговариваешь со мной, словно я в чём-то перед тобой виновата.

– Где ты была? – Ростислав снова взглянул на неё.

– Ты искал меня? – Камилла потянулась через стол и погладила его пальцы своей ладонью.

Полонский откинулся на спинку кресла и внимательно посмотрел на неё.

– Ты была мне срочно нужна. И мне бы очень хотелось, чтобы ты понимала чётко, что здесь в офисе мы общаемся только, как коллеги. И ты не пользовалась открыто тем, что мы живём вместе, и не покидала рабочее место, не предупредив меня.

– Слав, ну не злись. Мне же нужно было купить себе что-нибудь для завтрашнего ужина в ресторане. Куликов сказал, что я тоже должна буду поехать с вами. Я прикупила себе дивное платье, и кое-что пикантное из нижнего белья. Хочу тебя удивить сегодня вечером. Я соскучилась по тебе... – она поднялась на ноги и, обогнув стол, отодвинула в сторону бумаги и присела на столешницу прямо перед Ростиславом.

– Сегодня ничего не получится. Максим ночует у нас.

– Как ночует у нас? Но ведь сегодня только четверг, и я планировала, что мы проведём этот вечер вместе.

– Послушай, Камилла, Максимка мой единственный племянник и я люблю его, и он будет ночевать в нашем доме, тогда, когда это будет нужно, а не по определённым дням. И я полагал, что общение с маленьким ребёнком будет нам обоим полезно. Если мы планируем и дальше жить вместе. Потому что не знаю, как ты, а я планирую иметь детей в ближайшее время.

– Я тоже не против их иметь. Просто, ты же знаешь, мы с сыном Ольги не очень ладим. Он как-то сразу невзлюбил меня.

– А что ты сделала, чтобы он тебя полюбил? Когда он появляется в доме, то я только и слышу. Максим это не трогай, это не бери, это разобьёшь. Ему всего пять лет, пойми и ему нужно развиваться и активно двигаться. Он не может сидеть, как взрослый, привязанный на диване и смотреть только телевизор. И всё, что тебе нужно, это просто принимать это и не запрещать ему ничего.

– Хорошо, ну не злись, прошу тебя. Я с удовольствием пообщаюсь с твоим племянником сегодня. Может приготовить что-нибудь вкусное на ужин?

– Было бы неплохо, и желательно из того, что он любит. Продукты я вчера купил, так что я думаю, ты найдёшь, из чего приготовить ужин.

– Хорошо, не волнуйся. Я уйду из офиса на полчаса раньше?

– На час.

– Хорошо, милый. Ну ладно я побежала. Хочу ещё поработать над техническим переводом.

– Хорошо.

Она потянулась к его губам, но Ростислав отстранился чуть в сторону, и она удовольствовалась лишь поцелуем в щёку. Поднявшись со стола, Камилла медленно пошла на выход. Но неожиданно остановилась на пороге кабинета и, оглянувшись, посмотрела на Ростислава. Он по-прежнему был сосредоточен на деловой переписке в компьютере, и даже не посмотрел на неё.

Полторацкая широко распахнула дверь и вышла в приёмную. С недовольством взглянула на секретаря и немного подумав, взяла мобильный телефон в руку и вышла в коридор. Быстро спустившись на второй этаж, Камилла наконец смогла дозвониться до нужного ей абонента.

– Срочно зайти в архив! – тихо проговорила она и, отключив телефон, убрала его в карман пиджака.

Полторацкая взяла ключи на ресепшене и направилась в сторону архива. Открыв замок, прошла внутрь тёмной комнаты и, щёлкнув пальцами по кнопке выключателя, включила свет и прошла в центр большого помещения, остановившись у многочисленных стеллажей.

Камилла была зла и раздосадована, что все её вечерние планы летели к чертям. Она металась из угла в угол и, наконец, остановившись, со злостью, смахнула две крайние папки с полки, которые с глухим стуком упали на пол.

– Чего зверствуешь? – раздался тихий голос Куликова. Он стоял, облокотившись о стеллаж, и с улыбкой смотрел на неё. – Зачем звала?

– Поговорить хотела.

– Интересно о чём? – он закрыл дверь на замок и медленно направился к ней.

– Дань, мне осточертело терпеть всё это. Сколько я ещё должна жить в его доме? Он при мне всё равно ничего не решает и не ведёт никакие телефонные разговоры.

– Мне не надо, чтобы ты у него что-то узнавала. Ты просто должна усыплять его бдительность. Окружить любовью и заботой, и чтобы он поменьше думал о работе, а всё перекладывал на мои плечи. А ты, похоже, плохо делаешь своё дело в его постели, раз он тебе ни в чём не доверяет.

– Что это значит?

– Это значит, что наш Полонский уже начал подозревать, что я подворовываю его деньги.

– Что?

– Докопался до стоимости строительных материалов. И боюсь, что по-прежнему я не смогу высасывать свой процент от проведения сделок купли-продажи на свои банковские счета.

– А как же наш отъезд и покупка дома в Барселоне?

– Придётся затаиться, дорогая, и побыть пока на нелегальном положении. Я найду другой канал для наживы. Возможностей в фирме Полонского много.

– А я?

– А ты будешь по-прежнему жить в его доме. И строить счастливое семейное счастье.

– Я не хочу там жить. Мне надоело. Скука смертная. Вечерами сидит за работой. По выходным привозит это мерзкого мальчишку, который выматывает все мои нервы. Сегодня опять тащит его домой. А в постели... Меня бесит его нежность и его излишние ласки. Ты же знаешь, я люблю другой секс, – она провела рукой по его груди, слегка послабляя узел галстука.

Куликов улыбнулся.

– Ещё бы мне не знать. Но ничем не могу помочь тебе, дорогая. Придётся потерпеть. Сейчас я не могу уйти из фирмы Полонского и развестись со своей женой. На моих счетах слишком мало денежных средств для осуществления нашей с тобой общей мечты. Я должен ещё, как минимум год поработать на него. Грядут хорошие и очень выгодные сделки. Так что мне придётся поработать здесь. А тебе у него дома ещё какое-то время, – он поднял руку и резко притянул её к себе, толкнув с силой к стеллажам.

Камилла облизнула губы языком и улыбнулась, дерзко всматриваясь в его лицо. Она уже предвкушала феерическую близость с ним.

– А твои нервные выплески и стрессы я буду снимать собственноручно, как прежде, – Даниил яростно впился в её губы и поспешно начал расстёгивать её блузку.

Оказавшись прижатой лицом к стеллажу, Камила сильно прикусывала губы, чтобы не закричать в голос от той безудержной страсти и ярости, с которой её любовник в очередной раз брал её. Крепко удерживая её рукой за волосы, и заставляя прогибаться в пояснице, он дарил ей необыкновенное до умопомрачительного головокружения удовольствие.

Они наслаждались друг другом уже неоднократно именно здесь, в разгар рабочего дня, в их неизменном месте уединения, в центре офиса, под самым носом у господина Полонского.

Глава 3

Полонский переступил порог группы детского сада и остановился на месте. С улыбкой посмотрел на сосредоточенное лицо племянника, который вдумчиво рассматривал лежавшие перед ним не использованные детали картины игры-головоломки, изображающей какую-то иллюстрацию русской сказки.

Светловолосый мальчик пяти лет с аккуратной модельной стрижечкой и карими глазами с длинными пушистыми ресницами. В футболочке тёмно-синего цвета, и лёгких хлопчатобумажных брюках сидел, задумавшись и оперев локотки в стол, обхватил голову руками. Немного погодя, слегка сморщил носик и, прокручивая пальчиками одну из картонных деталей хитроумной картинки, попытался приложить её на свободное место готового полотна.

– Что не выходит? – громко спросил Полонский, обращаясь к нему.

Максим резко поднял глаза на знакомый голос и растянул губы в лучезарной улыбке. Он вскочил со стульчика и стремительно направился к мужчине.

– Дядя Слава! – мальчик с громким криком добежал до него, обхватил пальчиками Ростислава за ноги и через минуту оказался на руках у Полонского.

Мальш обхватил его ладошками за шею и прижался к его щеке.

– Я соскучился по тебе! Очень сильно, – он посмотрел в глаза Ростиславу, и снова обхватив его руками за шею, крепко зажмурился.

– Я тоже по тебе очень сильно соскучился. Ну что поедешь сегодня ко мне? Мама занята подготовкой к процессу, а папа в командировке, поэтому нам с тобой придётся ночевать сегодня вместе в моём доме, – Полонский опустил мальчика на пол.

– Ура! Ура! – малыш сорвался с места и с громкими криками, размахивая руками, направился напрямик к воспитателю.

– Максим! – окликнул его Полонский. – А убирать за собой разве не обязательно? – он жестом показал на разложенную, на столе картинку мозаики.

– Я завтра буду собирать дальше. Мне разрешают её оставлять на столе, пока не соберу до конца. Иначе завтра придётся начинать всё сначала.

– Ну, хорошо, – Полонский улыбнулся подошедшей к нему воспитательнице.

Женщина поприветствовала его и улыбнулась в ответ.

– Я в курсе, Ростислав Андреевич, что сегодня Максимку забираете вы. Мария Владимировна, его воспитатель предупредила меня, что говорила по телефону с вашей сестрой. И она сказала, что сегодня мальчика заберёт его дядя.

– А я думал, что это вы воспитатель моего племянника и хотел справиться о его успехах.

– К сожалению, его воспитатель была вынуждена оставить сегодня работу. Я её замечаю. У неё небольшие неприятности дома, поэтому ей пришлось уехать. Но вы сможете поговорить с ней в любой другой день, если приедете за Максимом. Завтра утром она уже будет на работе. Сами понимаете, мы все люди и у каждого периодически возникают временные трудности и неприятности в жизни.

– Конечно, понимаю. Ну что, готов? – Полонский опустил глаза на племянника, который, уже цепко обхватив его большую ладонь своими пальчиками, поднял голову и с любопытством смотрел на взрослых.

Мальчик молча кивнул и, попрощавшись с воспитателем, направился вслед за дядей на выход из группы.

Усадив малыша на заднее сидение машины в автокресло, которое специально приобрёл для этих целей несколько месяцев назад, Ростислав захлопнул двери автомобиля и сев за руль, покинул парковку детского сада, направляясь, домой.

Попав в одну из многочисленных вечерних дорожных пробок, Полонский перевёл взгляд в зеркало заднего вида и внимательно посмотрел на Максима, который с интересом рассматривал какую-то книжку.

– Что это за книга? – спросил он, обращаясь к мальчику.

– Сказки Андерсена для самых маленьких.

– Ты начал их читать сам?

– Да, и у меня уже неплохо получается. Так Мария Владимировна говорит.

– Это твоя воспитательница?

– Да. Она занимается со мной, потому что я пока единственный, кто хочет научиться читать в группе.

– Тебе это интересно?

– Очень. Из книг можно узнать так много и не надо просить взрослых тебе их читать, потому что у них вечно на это нет времени.

Ростислав улыбнулся.

– А почему именно Андерсен? Я думал, что в твоём возрасте его сказки могут быть тебе ещё не совсем понятны.

– Я всё понимаю. В его сказках очень много правды, хоть они и грустные. Я и раньше их отлично понимал, когда мне их читала мама, когда не работала и сидела со мной дома. А сейчас ей некогда, потому что у неё постоянные браки... не могу выговорить это слово. В общем, она разводит людей, которым надоело жить вместе.

Ростислав тихо рассмеялся.

Племянник для своих лет рассуждал совсем, как взрослый. Сказывалось, что оба его непутёвых родителя были адвокатами, и сразу видно, что дома только и говорили, что о работе.

– И поэтому в связи с отсутствием у мамы свободного времени, ты решил научиться читать сам?

– Да, когда умеешь, то не нужно никого просить.

– Это точно. Я тоже любил читать в детстве и научился этому, когда был в твоём возрасте.

– А сейчас ты читаешь?

– Читаю, в основном то, что мне положено знать по работе. А в остальном, чтобы просто лечь на диван с книгой, у меня не хватает времени, как и у твоих родителей.

– Плохо быть взрослым.

– Это точно, – Полонский улыбнулся. – Послушай, может, тебе нужны какие-нибудь книги? Хочешь, заедем в магазин и купим тебе что-нибудь новенькое, а то я смотрю в твоей книге переплёт совсем старый.

– Нет, спасибо. Мне нравится именно эта книга. Здесь очень красивые, словно живые иллюстрации, а в новых книгах они мне не нравятся. Там животные и птицы не похожи на настоящих, а напоминают героев из комиксов. Эту книгу мне подарила Мария Владимировна. Она сказала, что это была её любимая книга в детстве. И она сказала, что здесь пока именно те сказки, смысл которых я пойму, и мне их будет легко читать. Потому что я ещё не совсем хорошо читаю.

– Хорошая у тебя воспитательница, – Полонский медленно тронул машину вперёд в наконец-то начинающейся растворяться дорожной пробке. – У меня в садике такой не было.

– Она очень добрая и красивая, – мальчик отложил книгу в сторону. – Она работает в нашей группе недавно. Наша прежняя воспитательница ушла в отпуск за маленьким ребёнком. Я слышал, как она об этом говорила нашей нянечке.

Полонский улыбнулся.

– Понятно. Ну, видимо только поэтому я ещё и не успел познакомиться с твоим новым прекрасным воспитателем.

– Она тебе понравится. С ней очень интересно. Она знает много интересных историй и игр, весёлая и всегда улыбается. В нашей группе многие дети плохо ели и капризничали, но когда пришла Мария Владимировна, то рассказала, как полезны овощи и продукты. Она делала это так интересно, словно сказку рассказывала, и после этого все стали есть без отказов, представляешь.

– Ну, она у вас просто, как Мери Поппинс, ко всем умеет найти свой подход.

– А кто это?

– А тебе ещё Мария Владимировна не читала эту сказку? Эта книга английской писательницы Памелы Трэвэрс. Мне она очень нравилась в детстве.

– Надо будет спросить у Марии Владимировны. А ты знаешь, что у нас скоро праздник в садике и состоится представление сказки «Теремок». Ты придёшь её посмотреть?

– Если смогу, то непременно приду. И какая же роль будет у тебя?

– Я буду читать текст ведущего.

– Я почему-то так и думал. Ну, вот мы и приехали, – Ростислав нажал на кнопку пульта и как только ворота автоматически открылись, он въехал во двор и остановил машину у гаража своего дома. – Я тебе помогу, – обратился он к племяннику и вышел на улицу из машины.

Отстегнув ремни безопасности, взял Максима на руки и опустил его на землю у дверей автомобиля. Немного подумав, присел с ним рядом на корточки.

– Максимка, я знаю, ты не очень любишь Камиллу, но она старается подружиться с тобой и сегодня, ради твоего приезда приготовила вкусный ужин. Мне бы очень хотелось тебя попросить, чтобы вы не ссорились с ней, как в прошлый раз.

– Но она накричала на меня, после того как я случайно опрокинул тарелку.

– Я знаю. Я поговорил с ней об этом, и она пообещала, что больше подобное не повторится.

– Тебе она нравится?

– Я живу с ней в одном доме, и она почти, как моя жена.

– Но ведь она не настоящая твоя жена. Папа говорит, что вы просто живёте с ней под одной крышей. Если она тебе так нравится, почему ты на ней не женишься, как мои родители?

– Знаешь, это сложный вопрос и боюсь, если начну объяснять тебе, ты всё равно не поймёшь.

– Мне нравилась Лиза. Она добрая и всегда играла со мной. Почему она ушла от тебя? Ты её обидел?

Полонский тяжело вздохнул и взял племянника на руки.

– Нет, я её не обидел. Просто она полюбила другого мужчину и вышла за него замуж месяц назад. Ладно, пойдём в дом, – Ростислав медленно направился по дорожке к входной двери.

Ужин прошёл в абсолютной тишине, несмотря на вкусную еду и ауру приятного вечера. В кухне царило тягостное молчание и напряжение среди собравшихся за столом. Мальчик вёл себя несколько скованно и крайне аккуратно. Быстро поел и, поблагодарив Камиллу за ужин, сразу же ушёл в свою комнату на втором этаже, которая с первой ночёвки в этом доме оставалась за ним, как за полноправным хозяином. Ремонт, который Ростислав сделал специально для него, превратив два года назад одну из спален в детскую комнату в морском стиле.

Стилизированные стены с роскошной модульной картиной над кроватью в виде расплавленного своего паруса судна. Небольшие шкафчики для одежды и спинка белоснежной кровати с импровизированной морской волной и штурвалом, дополнялись шторами и ковром с изображением бушующего моря и стоящих на рейде кораблей, кресла мешки на полу, столик для занятий с канцелярскими принадлежностями, и люстра с тонким кованым каркасом в несколько импровизированных свечей на потолке, отображающим небо и облака. В уютном уголке возле окна на полу поселилось огромное количество разнообразных моделей и расцве-

ток игрушечной транспортной техники, от автобусов и заканчивая гоночными экземплярами легковых автомобилей, и многочисленной бравой армией, в виде стройных рядов игрушечных пеших и конных воинов, а также банды пиратов на большой корабельной шхуне. Максим очень любил эту комнату.

Изрядно нарезвившись вдвоём с дядей в детской, и построив не одни баррикады для штурма замка с прекрасной принцессой, они вернули выставленный флот в порт, и Ростислав, взглянув на часы, отправил Максима в ванную комнату. Подводное плавание и огромные лужи с мыльной пеной на кафельном полу заставили Полонского прекратить это баловство, и настойчиво попросить племянника вытираться полотенцем и надевать пижаму.

Максим улыбнувшись, согласно кивнул, и как только Ростислав скрылся за дверью, снова нырнул под воду ещё раз. Но поднявшись на поверхность и заметив строгие глаза дяди, протянул пальчики и поспешно выбрался из воды в его руки, державшие большое полотенце в руках. Переодевшись в пижаму, малыш нырнул в постель, и удобно устроился на подушке в ожидании вечерней сказки.

Полонский всегда читал ему на ночь, когда он оставался у него в доме. Вот и сейчас расположившись рядом с мальчиком, открыл старенькую книгу, подаренную воспитателем и начал читать вслух тихим голосом. Но сегодня длинной сказки не получилось, Максимка заснул уже после второго абзаца, обхватив пальчиками локоть Ростислава.

Полонский отложил книгу в сторону и, улыбнувшись, поцеловал его в щёку. Укрыв одеялом, вышел из комнаты, не спеша, направляясь к себе.

Он зашёл в спальню, принял душ в ванной комнате, и лёг в кровать.

Камилла сидела на краю постели и тщательно втирала в руки остаток крема, нежно массируя кожу пальцами. Поднявшись на ноги и сбросив с себя халат, она легла к нему под одеяло и, положив голову ему на грудь, обхватила его руками.

Ростислав обнял её за плечи, и погладил по волосам.

– Спасибо тебе ещё раз за прекрасный ужин. Ты сегодня превзошла саму себя.

– Я старалась. Очень хотелось, чтобы Максиму понравилось.

– Ему понравилось. Ты же видела, как он уплетал всё, что ты приготовила за обе щёки, – Ростислав улыбнулся.

– Мы сегодня с ним даже немного пообщались. Я заходила к нему в комнату после ужина.

– Я очень рад. Я хочу, чтобы ты с ним подружилась.

– Я постараюсь. Просто ты же понимаешь, у меня пока нет опыта общения с детьми, поэтому мне трудно.

– Я не требую от тебя, чтобы ты проявляла к нему материнскую заботу. Просто будь доброй и терпимой к его проказам. Он не требовательный ребёнок и ему нужно совсем немного любви и ласки. И поверь тогда, он даст тебе взамен намного больше.

– Ты так много знаешь о детях. Думаю, ты будешь хорошим отцом, – она провела рукой по его груди и коснулась губами мочки его уха. – Я соскучилась. Может, займёмся реализацией твоих планов и подумаем о ребёнке именно сегодня? – зашептала Полторацкая и потянулась к его губам, но Ростислав остановил её.

– Камилла, я же тебе сказал, что сегодня мы не сможем быть вместе, потому что ребёнок спит в соседней комнате за стеной. Как ты себе это представляешь?

– Но он же спит и ничего не услышит, – она снова провела рукой, лаская его кожу на груди, но Полонский опять её остановил.

– Давай спать. Завтра мне вставать рано. Максимку везу в садик. Хотел поговорить с его воспитателем. Спокойной ночи, – он поцеловал её в щёку и отвернулся в сторону, прикрывая глаза.

– Знаешь, Слава, я думаю, что такими темпами и безграничной заботой о своём племяннике, ты до своих детей никогда не доживёшь. А так и будешь потакать своей сестре, и приво-

зить её сына к себе. Хотя это её обязанность забирать и приводить его в сад, кормить и укладывать спать. Не понимаю, зачем тебе всё это нужно.

Полонский обернулся и посмотрел на неё недоуменным взглядом.

– Что-то я не пойму, к чему ты завела весь этот разговор? Ты злишься, что я отказал тебе в близости?

– А если и так. У нас и так на это практически не остаётся времени. Послушай, но ведь ты сам сегодня в офисе обмолвился о детях, что планируешь их завести в ближайшее время. Но насколько я помню, другого способа их завести, пока не изобрели.

– Да, я говорил о детях, но это не значит, что мы должны теперь прыгать в постель повсюду, чтобы добиться желаемого. К тому же, мы очень мало живём вместе, и я только пока думаю о наших совместных детях, но не собираюсь реализовывать это прямо сейчас. И вообще я думаю, что ты пока не готова к материнству.

– Интересно, как это ты это определил?

– Вижу это по твоим разговорам и поведению. Если тебе в тягость чужой ребёнок, то я думаю...

– Ты думаешь... Свой и чужой ребёнок, это разные вещи, Слава. Я не обязана любить всех чужих детей. Но это не значит, что я не буду любить нашего с тобой малыша.

– Ты даже сейчас детей называешь вещью, по-твоему, это правильно? Знаешь, в моём понимании любая нормальная женщина должна любить всех детей, независимо от того свои они или чужие. Мне кажется это заложено в ней природой в момент её рождения.

– Ты хочешь сказать, что я не нормальная женщина? – Камилла резко подскочила и присела в постели.

– Я этого не сказал. Просто считаю, что нам с тобой рано думать о совместных детях. Ложись, и давай спать. Наша полемика и споры ни к чему, кроме скандала, не приведут.

– Ты просто не любишь меня.

– Я никогда и не пытался убедить тебя в обратном. Ты тоже не испытываешь ко мне этих нежных чувств, тогда к чему поднимать эту тему для разговора?

– Прекрасные рассуждения от мужчины. Хоть бы притворился для приличия.

Ростислав подскочил в постели.

– Что ты от меня хочешь? Чтобы я врал тебе? Ведь тебя всё устраивало в наших отношениях, когда мы сошлись жить вместе месяц назад, и не требовали друг от друга признаний в любви. Нас устраивала совместная работа, быт и постель. И я не тянул тебя к себе волоком, ты сама с удовольствием переехала в мой дом, а теперь ты недовольна отсутствием любви в наших отношениях, и подняла эту непонятную мне тему для выяснения отношений посреди ночи.

– Всё рано или поздно надоедает. И монотонность, и размеренность отношений тоже.

– Отлично. Если я тебе надоел, зачем ты живёшь со мной? Я не собираюсь насильно тебя удерживать рядом с собой в этом доме.

– Ты хочешь, чтобы я ушла?

– Если ты сама этого хочешь, я не буду тебя удерживать. И пойму твоё решение. Значит, у меня не получилось построить наши с тобой отношения, – он отвернулся от неё, и пристально всмотрелся в окно.

– Ладно, Слава, прости. Мне не нужно было поднимать эту тему для разговора, – Камилла обняла его за плечи руками и прижалась губами к его плечу.

Полонский смотрел прямо перед собой и не оборачивался. Молчал, не собираясь больше продолжать с ней разговор, потому что всё произошедшее этой ночью, походило больше на театр абсурда. Обвинения, бурная ссора и примирение. Всё это было отвратительно.

В его жизни, никогда ещё не было подобного прежде. Несмотря на взрывной характер его бывшей жены, публичных скандалов в доме за весь год их совместной жизни никогда не было.

– Ну что ты молчишь? – она погладила его пальцами по волосам.

– Камилла, давай спать. Завтра рано вставать, – Полонский прикрыл глаза.

Полторацкая смотрела на его спину и уже ругала себя за то, что сорвалась и затеяла всё это разбирательство и выяснение отношений. Конечно, она была весьма неприятно удивлена, когда Ростислав так хладнокровно отнёсся к тому, что она может в любой момент покинуть его дом.

Камилла злилась на него, на Ольгу за то, что спихивала постоянно своего мальчишку на брата, злилась на самого Максима за его безалаберность и вседозволенность. Но ещё больше её бесило её нынешнее положение между небом и землёй. Когда в угоду своему любовнику, она была вынуждена притворяться и жить вместе с Полонским.

Конечно то, что предложил ей Куликов, было таким заманчивым и притягательным, что она была готова ещё набраться терпения и существовать дальше в таких условиях, и изображать из себя любящую женщину. Она знала ради чего все эти жертвы.

Даниил обещал развестись с женой в ближайшее время и съехаться вместе с ней. Те деньги, что он намеревался обманным путём украсть у Полонского, им хватит на долгую и обеспеченную жизнь вдвоём в Барселоне. Её отличное знание языка и приличное образование лингвиста позволят им неплохо устроиться в этом дивном городе, который был её давней голубой мечтой.

Они познакомились с Куликовым два года назад на одной из выставок какого-то современного художника, продвижением картин которого занималась его жена, искусствовед по образованию. С тех пор они были всё время вместе, и их планы по осуществлению совместных идей, пришли в голову Даниилу сразу же, как только Полонский развёлся с первой женой.

Камилле самой ради этого знакомства с Ростиславом даже пришлось разыскать в социальной сети свою сокурсницу в девичестве Ольгу Полонскую, с которой после окончания университета они не общались несколько лет. Столько трудов и сейчас всё разрушить из-за лёгкого всплеска стремительно меняющегося настроения. Нет, она не могла себе этого позволить. Ей нужно обязательно набраться терпения и исправить всё, что она натворила сегодня ночью, уже завтра утром.

Камилла обняла Ростислава за плечи и, уткнувшись лицом в его спину, задремала.

Стремительные утренние сборы Полонского и племянника в детский сад, превратились в нескончаемый шум в доме.

Камилла закрыла голову подушкой, но заснуть больше так и не смогла. Она нервно отбросила одеяло в сторону и присела в постели. Встав с кровати, подошла к окну и, приоткрыв занавеску, посмотрела на отъезжающую от дома машину Полонского. Сегодня утром, когда он проснулся, они в итоге всё-таки помирились, но от этого ей легче не стало.

Она с каждым днём всё больше ненавидела своё пребывание в этом доме, но сделать пока ничего не могла. Она возлагала на Куликова свои надежды, и подвести его, не смела. Иногда ловила себя на мысли, что её положение в качестве любовницы сразу двух мужчин было неправильным, но поделать ничего не могла. Так хотел Даниил, и ради его дела и их совместного будущего, она готова была потерпеть и дальше зануду Полонского.

«Дети»... – она подумала про себя и усмехнулась. «Думает, что я и вправду собралась рожать ему детей. Наивный».

С неё было довольно и этого мелкого наглого отпрыска её подруги, который бесил её одним лишь только появлением в поле её зрения, не говоря о том, чтобы ещё заводить своих. Если она и думала в далёком будущем о детях, то только от мужчины, которого любила, и сводившего её с ума в постели.

Вспомнив о Куликове, она подошла к тумбочке и, взяв телефон в руку, сделала несколько пропущенных звонков, так как между ними было условлено. Он придумал это, чтобы избежать ненужных расспросов жены.

Спустя несколько минут Даниил перезвонил ей сам, и она попросила его заехать за ней на работу. Знала, что сегодня с утра в доме не будет обслуживающего персонала, а значит, у них есть время побыть вдвоём. Понимала, что сильно рискует. Но от этого её желание только усиливалось в разы. И спустя полчаса занимаясь сексом с Куликовым в рабочем кабинете Полонского, она ликовала только от одной мысли, понимая, что она правит балом в этом доме, и живёт и делает здесь то, что хочет сама.

Ростислав присел на корточки возле Максима.

– Ну, всё, я поехал, герой. Хотел сегодня пообщаться с твоей любимой воспитательницей, но мне сказали, что её снова не будет с утра. Так что в другой раз.

– Ты сегодня не приедешь за мной вечером?

– Нет, сегодня мама или отец заберут тебя. У меня сегодня важные деловые переговоры вечером, и я при всём желании не смог бы тебя забрать.

– У всех взрослых постоянно одна работа, а на жизнь совсем не остаётся времени. Мария Владимировна говорит, что в такой суете жизнь и проходит стремительно. Но взрослые не виноваты, потому что работа это главное, что есть в жизни каждого человека.

Ростислав рассмеялся.

– Вы с ней и на эти темы разговариваете?

– Нет. Просто я однажды сидел с ней долго в садике, когда всех забрали, и спросил у неё, почему так происходит и родители всё время заняты. Вот она мне и объяснила.

– Она права, эта твоя Мария Владимировна. Жизнь взрослого человека уже не принадлежит ему самому, как в детстве. Мы должны работать, – он поцеловал племянника в щёку. – Ну, иди, мне на работу пора. Пока!

– Пока! – мальчик обхватил его ладошками за шею и медленно направился в группу. По пути периодически останавливался и, поворачивая голову, грустно смотрел на Полонского.

Ростислав сел за руль машины, и всё ещё продолжал думать о словах Максимки и о смысле жизни взрослых, с точки зрения маленького мальчика. Уже сегодня намеревался серьёзно поговорить с сестрой и выяснить все подробности того, что однажды её сыну пришлось сидеть допоздна в саду с воспитателем. Он завёл двигатель автомобиля и отправился в офис.

Глава 4

Полонский зашёл в приёмную и, заметив Куликова, открыто флиртующего с секретарём, остановился в центре комнаты и внимательно посмотрел на него.

– Ой, Славик, привет! – Даниил обернулся и протянул руку другу. – Я тебя заждался.

– Привет, что-то случилось?

– Нет, напротив, всё складывается очень хорошо. И я зашёл, чтобы решить, что будем делать дальше и когда начинать основной этап работы.

– Заходи в кабинет, – Полонский кивнул на дверь.

Куликов ослепительно улыбнувшись Снежане, медленно направился вслед за Полонским.

– Что снова без настроения? – с улыбкой спросил он у него, опустившись в кресло.

– Почему не в настроении? С чего ты взял?

– Значит, показалось.

– Ты хотел мне рассказать что-то.

– Да, извини. Мы вчера вечером снесли дом Урбениных.

– Так быстро?

– Да, парни работали до темноты.

– А Урбенин?

– Был спокоен. Видно посидев в изоляторе, хорошо подумал и принял решение, которое является правильным для всех. И для него, и для нас. Я, конечно, не особо верю в его показное спокойствие. Наверняка, он просто так всё это не оставит.

– Думаю, ты бы тоже не оставил, если бы речь шла о твоём доме. Особенно если бы ты прожил в нём почти всю жизнь, как Урбенин.

– Слава, да брось ты. Какая привязанность к дому? Мы с женой уже третий дом меняем, и я как-то не особо страдаю от этого. Выбираем там, где лучше и не жалеем ни о чём.

– Люди все разные. У каждого своё отношение к одним и тем же вещам и иногда то, что для тебя ничего не значит для другого равносильно нестерпимой боли в душе.

– Душа! О какой душе ты говоришь? Сейчас люди её напрочь лишены, а о ней пишут лишь поэты и писатели, да те, у кого нет ничего в кармане, кроме захудалой медной монеты. Ты мне лучше другое скажи, что у вас с Камиллой случилось? С утра рвёт и мечет, срывается на всех. Поругались что ли?

– Я бы сказал, не поругались, а разошлись во мнениях и взглядах на одни и те же вещи по жизненным вопросам, как примерно с тобой сейчас.

– Странно это слышать. Что вам двоим выяснять? Ни детей, ни забот, ни хлопот. Живите и наслаждайтесь друг другом. То ли дело у меня оболтус шестнадцать лет. Давай, и давай деньги на тряпки, электронику. Учиться не хочет, одни девочки на уме. Скандалы постоянно то с женой, то со мной. Надоело всё.

– Найди занятие, которое будет отвлекать тебя от этих забот.

– Какое, например, лазить по горам или прыгать с парашютом, как ты? Это всё не для меня.

– Ну, тогда мне больше нечего тебе предложить и посоветовать. Ладно, давай вернёмся к работе. Мне звонил Алеуцкий с утра. Просил показать последний вариант проекта коттеджного посёлка. Займись этим.

– А ты сам?

– Хочу съездить в Луговое и посмотреть, как расчистили площадку под застройку. Скажи Камилле, пусть созвонится с Санчесом и уточнит время делового ужина в ресторане вечером.

– А почему сам ей не скажешь? Она была в приёмной, когда я в первый раз заходил к тебе. Вы что не разговариваете?

– Послушай, Дан. Если я прошу, то значит, это нужно сделать и не задавать мне ненужных вопросов. Потому что наша вчерашняя размолвка с Камиллой, это только наше личное дело, и она остаётся за закрытой дверью моего особняка, и тебя не касается.

– Извини за то, что вмешиваюсь, но я думал, что мы друзья.

– Мы друзья, только я не привык плакать в жилетку никому, если у меня проблемы в личной жизни.

– Я тебя понял, – Куликов поднялся на ноги. – Ладно, я уехал к Алеуцкому.

– Хорошо. Архитектора проекта возьми с собой.

– Хорошо, – Даниил открыл дверь и вышел в приёмную.

Взглянув на секретаря, он перевёл взгляд на Камиллу, которая сидела за своим столом и неспешно подпиливала пилочкой свои острые ногти.

– Камилла Владиславовна, вы могли бы мне уделить минуту вашего драгоценного рабочего времени?

Полторацкая подняла на него глаза, полные удивления.

– Прямо сейчас?

– Немедленно, – Даниил пронзал её яростным взглядом.

Камилла отложила пилочку в сторону. Не спеша поднялась на ноги и направилась вслед за ним на выход из приёмной.

Как только они оказались в коридоре, Куликов схватил её под локоть и с силой втолкнул в свой кабинет.

– В чём дело? – возмутилась Полторацкая, резко отдёргивая его руку.

– Я тебе сейчас скажу в чём дело, – Куликов толкнул её в сторону кресла и она, потеряв равновесие, тяжело опустилась на сидение.

– Что с тобой, Даня?

– Это ты у меня спрашиваешь, в чём дело? Я тебя, зачем отправил к Полонскому месяц назад? Усыпить его бдительность на работе, окружив его заботой и вниманием дома, а что делаешь ты? Будишь в нём зверя?

– Я тебя не понимаю.

– Не надо смотреть на меня невинными глазами и делать из меня дурака. Что произошло между тобой и Полонским вчера, что сегодня он взвинчен до предела?

– Вот у него и спроси, что он бесится. У меня всё в порядке.

– Я вижу, какой у тебя порядок. С утра бросаешься на всех и вся в офисе. Говори! – он схватил её за руку, крепко сжав пальцы своей ладонью.

Камилла сморщилась от боли.

– Отпусти, мне больно. Подумаешь, трепетный какой Полонский. Я ему сказала лишь правду, что он вечно перед всеми готов прогибаться, а о себе подумать некогда.

– Ты это о чём?

– Вчера сам заикнулся о детях, что хочет их завести в ближайшее время. Вот я и решила воплотить его план в жизнь.

– Родить ему ребёнка? Ты чокнулась?

– Какого ещё ребёнка? Ты же сам сказал быть с ним поласковее и в постели проявить разнообразие. Вот я и решила надавить на его главное желание, проявив искусность в момент близости.

– А вот ты о чём. Умница, правильное решение.

– Толку от этого решения, если он не спит со мной уже неделю.

– То есть, как не спит?

– Вот так. То у него усталость, то дела, то вчера притащил в дом этого несносного мальчишку, своего племянника и я вынуждена была весь вечер вести себя как полная дура, расшаркиваясь перед этим сопляком.

– Ты и так дура! Если до сих пор не поняла, что тебе облизывать нужно этого пацана при встрече с ног до головы, глядишь, и господин Полонский оттаёт и изменит к тебе своё отношение.

– Он не любит меня. Я вчера поняла это окончательно.

– А ты сделай так, чтобы полюбил. Милая, мы делаем одно общее дело и строим наше совместное будущее. Ты должна стать для Полонского такой, как моя жена. Нежной, внимательной, заботливой и преданно заглядывающей в его глаза. Интересуясь его самочувствием и делами, и тогда уверяю, его отношение к тебе сразу изменится.

– Если твоя жена такая чудесная, почему же ты спишь со мной уже два года?

– Потому что тебе нет равных в постели, – Куликов погладил её по щеке. – Представь, если к твоим этим бесценным качествам страстной женщины добавить немного нежности, любви и заботы. То получится прекрасный образец идеальной женщины для жизни.

– Ты что шутишь?

– Нет, дорогая, я не шучу! Ты должна полностью измениться и стать совсем другой, и я это уже говорю серьёзно. И начать меняться нужно уже прямо сейчас.

– Я не смогу. У меня не получится.

– Отлично. Тогда нас с тобой больше ничего не связывает.

– То есть как? – Камилла смотрела на него, затаив дыхание.

– Понимаешь, я настойчиво и целенаправленно иду к достижению своей цели. И пытаюсь увеличить своё благосостояние, развестись с женой, оставить сына и всё это я делаю ради тебя. А ты не хочешь мне помочь в такой малости. Что ж, тогда я лучше останусь в своей семье и в Барселону поеду вместе с женой.

– Даниил, ты шутишь?

– Нет, я не шучу. Ты что не поняла до сих пор? Своими капризами ты срываешь все мои планы. Мне нужно, чтобы Полонский погряз в личной жизни и как можно меньше интересовался вопросами работы. Я прекрасно справлялся без него все два месяца, пока он решал в Швейцарии проблемы своей бывшей жены. За это время я подстроил работу полностью под себя, наладил нужные мне контакты, выписку фиктивных документов и сейчас грядут большие поставки материалов для нового коттеджного посёлка, огромные партии и баснословные суммы. А я буду связан по рукам и ногам, потому что Полонский будет курировать всё сам. И я не смогу урвать ничего от этого лакомого куса большого пирога, ни единого рубля, понимаешь? Так что подумай ещё раз хорошенько. Прежде чем мне говорить о том, что у тебя ничего не получится. И не заставляй меня больше выяснять с тобой отношения на рабочем месте. То, что мы делаем с тобой в постели, мне нравится гораздо больше, надеюсь и тебе тоже.

– Ты прав.

– Не слышу! – громко воскликнул Куликов.

– Ты прав во всём! – повторила Камилла уже громче.

– Вот и умница, а теперь иди, работай. И позвони Санчесу, уточни время делового ужина. И думай постоянно о том, что я сказал тебе. Я жду твоих перемен и решительных действий. Иди, я тебя больше не задерживаю.

Камилла поднялась на ноги и потянулась к его лицу своими губами, но Куликов резко отошёл в сторону. Немного постояв на месте, Полторацкая достала телефон из кармана пиджака и медленно вышла из кабинета.

Как только она скрылась из виду, Куликов нервно отбросил папку на стол.

Эта дура портила ему все планы. Ему понравилось, как Полонский год назад погрузившись в проблемы своей бывшей жены, оставил всю работу в офисе на него. Этого времени

оказалось вполне достаточно, чтобы многое перекроить под себя и поставить работу под свой устоявшийся график и поставки строительных материалов осуществлялись теперь через новых контрагентов.

Он пригласил Камиллу в своё дело в надежде, что она быстро впишется в плотный рабочий график Полонского и своим умением легко обольстит и вскружит его голову. Но изначально всё пошло не так, как он хотел. Камилла не сыграла должной роли. Сказалось ли это на том, что эта идиотка была влюблена в него самого, как кошка и Полонский был ей сугубо параллелен, или же дело было в самом Ростиславе, который до сих пор не смог забыть свою бывшую жену, и продолжал жить иллюзиями и терпел Камиллу рядом только от безысходности.

В любом случае Даниил не собирался жертвовать всем, что успел сколотить за последний год в угоду расшалившимся нервам истеричной дамочки, которая откровенно говоря, своими вопросами ему уже порядком надоела. Он не собирался на ней жениться, да и с женой развестись тоже. Его вполне всё устраивало, а платить алименты своему шестнадцатилетнему бездельнику в случае развода, как-то не очень, то хотелось.

Поэтому он точно знал, что пока всё останется, как есть. Ещё максимум полгода, и он выжмет из фирмы Полонского все мыслимые и немыслимые сливки, а уж после уволится. И под видом новой работы в Испании, покинет и город, и свою семью. Там в Барселоне он планировал открыть небольшой бизнес и продолжить работать и отдыхать в стране, которая всегда манила его своими красотами и неспешным образом жизни.

Он всегда мечтал об Испании, ещё с юности, но многодетная семья, в которой он вырос, не позволила ему осуществить свою голубую мечту сразу же. Изрядно помывкавшись после института в поисках работы, получил должность прораба в маленькой строительной организации с небольшой заработной платой. А когда три года назад случайно встретился со своим бывшим одноклассником на встрече выпускников, пожаловался на свою тяжёлую долю, и сразу же получил неплохую должность менеджера отдела в фирме Ростислава. А спустя всего год после ухода на пенсию заместителя Полонского был переведен на новую должность, и занял просторный кабинет напротив своего босса.

Появившийся архитектор на пороге его кабинета, заставил его прервать свои воспоминания. Забрав флэш-накопитель и эскизы проектов со стола, Куликов вместе с мужчиной уехал в офис Алеуцкого.

Полонский на территории бывшего посёлка Луговое долго выяснял с экскаваторщиками все вопросы проделанной работы. Площадка была недостаточно зачищена и обломки дома Урбениных всё ещё были не вывезены.

Закончив разговор с трактористом, Ростислав сделал звонок Алеуцкому и уже направился к своей машине, но невольно остановился, заметив сидящего на корточках у обломков старого дома Урбенина.

– Что он тут делает? – спросил Полонский прораба, который подошёл к нему с нарядами на подпись.

Мужчина перевёл взгляд на Урбенина.

– Он с утра здесь и никуда не уходил.

– Почему?

– Не знаю. Я пытался заговорить с ним, но он молчит. Мне кажется, он очень расстроен. Я пытался поговорить с ним ещё вчера вечером, когда их выселяли. Но Куликов отправил меня заниматься рабочими и настойчиво попросил не соваться в дело, которое меня не касается. Жалко мне этого человека. Дом – это единственное что у него было, и тот отняли. У него дочь инвалид, а никто даже не подумал об этом.

– Меня это тоже возмутило, но что мы можем сделать. Посёлок признан нерентабельным и было решено его сносить.

– Но если бы он был заброшен совсем. Ведь здесь жили люди и насколько я знаю, сразу несколько семей.

– Виктор Петрович, я понимаю ваше возмущение, но я так же, как и вы ничего не решаю.

– Это и обидно, что никто и ничего не решает. Добрый дом у него был. Я тридцать лет в строительстве, а уже подзабыл, как строили в старое время. Добротное и на века. Экскаваторщики не смогли его снести сразу, слишком прочным оказался. Я снял дом Урбениных для своей коллекции, потому что это уже реликвия, сейчас таких домов остались единицы, – мужчина протянул телефон Ростиславу.

Полонский взял аппарат в руку и внимательно просмотрел несколько фотографий на экране и снова перевёл взгляд на Урбенина, стоявшего уже у развалин. Передав смартфон хозяину, Ростислав попрощался и медленно направился в сторону разрушенного дома. Он остановился рядом с женщиной и обвёл взглядом всё, что осталось от некогда существующего дома.

– Опять пришёл. Что тебе нужно, олигарх?

Полонский повернул голову и внимательно посмотрел на мужчину.

– Почему вы так меня называете? Ведь вы знаете моё имя.

– По имени называют людей достойных, а вы толстосумы все для меня едины. Хапаете и никак не нахапаете. Сколько вам ещё нужно изжить со свету простых людей, чтобы, наконец, нажиться окончательно? И быть довольными своей жизнью.

– Я ни у кого и ничего не отбираю. И всё, что у меня есть, наживалось постепенно и не всегда так просто, как вы думаете. И на этой земле я всего лишь исполнитель и была бы моя воля, я бы никогда не выселил вас из вашего дома. Но что я могу сделать?

– А ты передо мной не исповедуйся. Что делать? Это ты не у меня, а у своей совести спроси, что тебе делать. Я вам здесь всё равно строить ничего не дам. Я уже написал сегодня жалобу в прокуратуру. Так что строительство твоё будет весьма проблематичным, это я тебе обещаю.

– Но вы же переехали в квартиру вчера. Сами по своей воле.

– Жену с дочкой пожалел, и позорить их не захотел этим публичным скандалом и дальше. Маше нервничать нельзя. Она после аварии долго находилась в состоянии шока, и нам с женой невероятных усилий стоило вернуть её к прежней жизни. Вчера после всей этой потасовки, она плакала долго у меня в изоляторе. Истерика была сильная. И я просто пожалел её и пообещал, что мы переедем в эту чёртову квартиру, которую нам кинули, как подачку.

– Вы не пробовали лечить вашу дочь? Ведь сейчас медицина шагнула далеко, и её увечье можно было бы исправить.

– Какой умный. Думаешь, я не узнавал. Какому отцу приятно видеть, как страдает его ребёнок. Только на тот счёт, что мне выставил доктор за операцию и дальнейшую реабилитацию её в больнице у меня никаких денег не хватит. Разве только если свою почку продать, да только кому она нужна после моих ранений.

– Вы были ранены?

– Да, дважды. Последнее было тяжёлым, и боялся оставить свою жену с дочкой одних на этом свете.

Полонский подошёл к мужчине ближе и тронул его за плечо.

– Владимир Егорович, поезжайте домой, не надо вам здесь быть. Не мучайте себя. Дома больше нет, и не ходите никуда, это ничего не изменит, поверьте мне. Я, когда вы были в изоляторе, попытался обзвонить всех, кто бы мог помочь вашей семье, но всё оказалось тщетным, так что лучше не упорствуйте.

– Послушай, Ростислав, так, кажется, тебя зовут. Твои советы мне не нужны. Ты пацан по сравнению со мной. Я тебе в отцы гожусь и не тебе, а мне тебе советы давать. Так вот, слушай меня внимательно. Я тут немного с тобой разоткровенничался, но ты не думай, что усыпил мою бдительность добрыми и учтивыми словами. И мой тебе совет, садись в свою дорогую машину и поезжай отсюда. И больше не появляйся в поле моего зрения, иначе уважу так, как уважил своего бывшего зятя. Уважил так, что он до сих пор при виде меня круг делает и за две улицы обходит меня стороной. Ему было за что, ты пока не заслужил, но если не прекратишь ходить и капать мне на мозги, клянусь, ты своё получишь, – Урбенин развернулся и медленно направился к стоявшему у края дороги старенькому автомобилю.

Подняв в воздух клубы серой пыли, он развернул машину и, выехав на дорогу, увеличил скорость и вскоре скрылся из виду.

Полонский ещё немного постоял у развалин старого дома и медленно направился к своей машине. Он посетил с проверкой ещё один объект строящегося дома и вернулся в офис, где Камила сообщила ему, что их встреча с Санчесом состоится вечером, ровно в семь часов, и неплохо бы было вернуться домой и привести себя в порядок. Ростислав согласился и, собрав все необходимые для переговоров документы, покинул офис вместе с Полторацкой.

Максим ходил от одного окна к другому и, приподнимаясь на цыпочках, смотрел на дорожку, ведущую к детскому саду от калитки. Он присел на стул у подоконника и опустил голову.

Урбенина зашла в группу и, собрав разбросанные на полу игрушки, взглянула на мальчика и присела на корточки рядом с ним.

– Максимка, ну чего ты расстроился? Я звонила твоей маме, и она мне сказала, что сегодня тебя заберёт твой папа. Так что мы подождём его ещё немного. Я уверена, что он скоро появится.

– Скоро уже закроют садик, а его всё нет и нет.

– Ну, ты же знаешь, что сейчас вечером в городе большие пробки на дорогах и он, возможно, просто немного опаздывает. Ну, перестань расстраиваться, – Мария погладила его по голове.

– Лучше бы за мной приехал мой дядя. Он всегда приезжает вовремя. Мария Владимировна, а вам разве домой не надо?

– Я не могу уйти домой, пока всех детей родители не заберут из моей группы. Так что ты не волнуйся. Свою маму и своего папу я предупредила, и они не будут переживать, что мы с тобой сегодня здесь оставались вместе чуть дольше. Пойдём, лучше чаю попьём, пока твой папа приедет. У меня бублик с маком есть, я с тобой поделюсь.

Максим слегка растянул губы в улыбке.

– Бублик, это который с дырочкой посередине?

– Да.

– Я такие булочки очень люблю.

– Ну, тогда пойдём, – она протянула ему руку и малыш, ухватившись пальчиками, пошёл вприпрыжку рядом с ней.

Маша с улыбкой наблюдала, как он с удовольствием откусывал большой кусок свежей выпечки и зажмурился от удовольствия. Не забывая ей рассказывать о последней сказке, которую он прочитал в её книге. И о том, как повздорил с Игорем Авериным из-за большой пожарной машины, которую на прошлой неделе им подарили их постоянные меценаты.

– Пей осторожно, не обожгись, чай горячий и лучше не разговаривай, – обратилась она к нему, поглаживая пальцами его волосы. – Ты посиди, а я пойду, ещё раз позвоню твоей маме, что-то действительно твой папа задерживается.

Максим согласно кивнул и, продолжая покачивать ногами под столом, принялся отхлёбывать чай из большой кружки. Заметив воспитательницу на пороге группы, спустя пару минут, он внимательно посмотрел на её слегка растерянное лицо.

– Вы дозвонились маме?

– Нет, она не берет трубку. Сторож уже собирается закрывать садик, мы остались одни. Кабинет заведующей закрыт, и я не смогу узнать твой домашний адрес, что зафиксирован в твоём личном деле. Ты ведь знаешь, где живёшь?

Максим немного подумал и, улыбнувшись, ответил:

– Конечно, знаю.

– Ну, тогда я вызову такси, и отвезу тебя прямо домой. Ты не будешь против?

– Нет, так будет гораздо лучше. Так я быстрее окажусь дома.

– Ну, хорошо, подожди меня. Я быстро заберу свою сумочку, и поедem, – Маша, прихрамывая, вышла из группы, направляясь в свою комнату.

Она вернулась через несколько минут и, сполоснув кружки в раковине, взяла Максима за руку и медленно направилась с ним на выход к ожидающему их такси. Они добрались до коттеджного посёлка, что указал мальчик лишь спустя сорок минут.

Заметив высокий забор и большой дом за ним, Маша повернула голову и обратилась к Максиму:

– Мне казалось, что ты с родителями живёшь в квартире. Ты верный адрес назвал водителю? – спросила она у мальчика и снова с интересом взглянула на высившийся за воротами двухэтажный дом.

Мальш молча кивнул.

Урбенина расплатилась с водителем такси и вышла на улицу, крепко удерживая руку Максима в своей ладони. Медленно направилась к калитке и, нажав пальцами на кнопку звонка, принялась ожидать ответа. Но на их звонок никто не ответил. Та же участь постигла, и очередной телефонный звонок до матери мальчика.

– Где же твои родители? – Маша обратилась к Максиму, но тот лишь пожал плечами.

Урбенина не спеша дошла до скамьи с красивым кованым основанием, стоявшую под большим деревом, и тяжело опустилась на деревянное сидение. Нога сильно разболелась и когда она смогла присесть и избавиться от нагрузки и напряжения, с облегчением вздохнула.

– Вы устали? – Максим погладил её по волосам.

Она обняла его и посадила к себе на колени.

– Совсем немножко. Сейчас дождёмся твоих родителей, и я поеду домой. Пстой, мне нужно позвонить своему отцу, а то боюсь, что искать скоро начнут меня, – она достала аппарат из сумки, но разговор окончился, едва начавшись, потому что уровень заряда батареи был критическим час назад, а теперь просто изжил себя и перестал поддерживать питание телефона. – Только этого не хватало, – Мария попыталась выключить и снова включить телефон, но смартфон больше не подавал признаков жизни. – Ну и как я теперь дозвонюсь до твоих и своих родителей, дружок, – она погладила по волосам мальчика, обращаясь к нему. – Ты не замёрз?

Максим отрицательно покачал головой, но Маша потянула пальцами свой сложенный пиджак, лежавший на сумке и, закутав в него мальчика, прижала его к своей груди.

Он прикрыл глаза и под её тихий голос, рассказывающий очередную сказку, заснул.

Полонский сделал последний поворот руля, свернул на свою улицу и посмотрел на Камиллу, которая сидела рядом с ним в машине молча.

– Ты не довольна тем, как прошла встреча с испанскими партнёрами?

– Почему я должна быть не довольна. Это твоя фирма и твоё решение. Раз тебя не устроил новый клиент, значит так и должно быть. Хотя мне кажется, их предложение могло быть выгодным для тебя.

– Мне не понравилась его биография и опыт работы в строительстве, словно заведомо понимаю, что хотят втянуть в какую-то авантюру, и чётко знаю, что лучше этого не делать.

– Это твоё право. Просто я думаю, не стоило так резко покидать зал ресторана, и для приличия хотя бы остаться за их столом. Ужин они, между прочим, заказали специально для нас.

– Если ты так хотела, то могла бы и остаться. Я тебя не заставлял ехать с собой домой. Осталась бы с Куликовым.

– И как бы это выглядело? Я твоя женщина и осталась бы с твоим замом развлекать твоих несостоявшихся партнёров по бизнесу.

– Мы там были, не как пара, а как сотрудники, работающие вместе. Так что все бы поняли твоё желание остаться в ресторане. Я ведь видел, тебе там понравилось.

– Ресторан красивый и я там никогда не была. К тому же, мы давно никуда не выбирались с тобой, а сидим вечерами дома.

– Извини, дел много. Обещаю, что сходим куда-нибудь в ближайшее время.

Настойчивый звонок мобильного телефона заставил Полонского включить автомобильный Hands Free.

– Да, Оля.

– Славик, – раздался плачущий голос сестры в салоне машины.

– Оля, что случилось? Почему ты плачешь?

– Максимки до сих пор нет дома.

– Что значит, нет дома? – закричал Полонский.

– Я не смогла сегодня забрать его из садика. Слушание перенесли. Попросила Диму, но он со своим клиентом просидел допоздна в офисе, а когда приехал в сад, то сторож сказал, что воспитатель уже увезла нашего сына.

– Как это увезла? Куда? Что за бред!

– Сказал, что повезла к нам домой. Но она до сих пор не приехала. И телефон у неё вне зоны. Я не знаю, что мне делать. Я с ума сойду, если с ним что-нибудь случится.

– Не паникуй. Нужно узнать, где она живёт. Я сейчас отвезу Камиллу, я уже почти дома и поеду в сад. Не волнуйся, я всё узнаю и сразу тебе перезвоню.

– Хорошо, спасибо тебе! А то мы с Димой не знаем, что делать, хотели уже в полицию обращаться.

– Вы с ума сошли! Надо разобраться сначала. Давай я не буду тратить время на разговоры, я уже у дома, – Полонский отключил громкую связь и, повернув налево, подъехал к воротам дома.

Нажав на кнопку пульта, открыл ворота, и когда случайно перевёл свой взгляд в боковое стекло, едва не подскочил на месте, заметив в темноте на скамье у ворот своего дома две тёмные фигуры, большую и маленькую.

Он открыл дверь машины и быстро выскочил на улицу.

– Слава, что случилось? – Камилла приоткрыла дверь, но Ростислав её уже не слышал.

Он пересёк дорожку и остановился перед женщиной, которая держала на руках его племянника.

– Максимка, господи! – он присел на корточки, и слегка отстранив руки женщины, крепко прижал к себе спящего мальчика.

Он целовал его в щёки, и слегка опомнившись от пережитого волнения, попытался рассмотреть в темноте лицо женщины, державшей на руках Максима. Ростислав поднял голову и столкнулся с уже знакомыми серыми глазами, которые второй раз удостоили его не очень доброжелательного взгляда.

– Это снова вы? – Маша ещё крепче прижала к себе мальчика, пытаясь защитить его от назойливого мужчины. – Такое ощущение, что вы преследуете нашу семью.

– Не говорите ерунды, никого я не преследую. Этот мальчик, мой племянник, а это мой дом, – он показал рукой на ворота.

Урбенина слегка растерялась.

– Но, Максим мне сказал, что здесь живут его родители и я привезла его именно сюда.

– А вы, госпожа Урбенина, кто такая и по какому праву привозите моего племянника домой?

– Я его воспитатель, Мария Владимировна.

Полонский слегка растерялся.

– Так это оказывается вы? Только утром собирался познакомиться с воспитателем моего племянника, когда привёз его в садик. А оказалось, что мы с вами уже знакомы.

– Вы правы, мы познакомились с вами при весьма неприятных обстоятельствах.

– Камилла, принеси телефон из машины. Мне нужно Оле позвонить. Успокоить её, – обратился Полонский к Полторацкой.

Камилла не торопясь покинула машину, и подошла к Ростиславу, протягивая в руке аппарат. Она остановилась рядом с ним и внимательно смотрела на воспитательницу Максима.

Появление мальчишки так некстати в доме Полонского снова рушило её планы на вечернюю романтику. Она рассчитывала, что сейчас приедет Ольга и заберёт своего отпрыска. Но её окончательная надежда разбилась вдребезги, как только она услышала окончание разговора Ростислава со своей сестрой.

– Ложись спать, не надо никуда ехать. Он переночует у меня, а завтра я привезу его к вам домой утром. Спокойной ночи, – Ростислав убрал телефон в карман пиджака и, взяв мальчика на руки, медленно направился к дому.

Маша попыталась ему что-то сказать, но он уже скрылся за высокими воротами особняка.

– Простите, вы не одолжите мне телефон? Я хотела бы вызвать такси. Мой аппарат разрядился, – обратилась Урбенина к Камилле.

Полторацкая обвела её пренебрежительным взглядом.

– Мой телефон тоже разряжен, а муж забрал свой смартфон с собой, вы же видели. Здесь в ста метрах есть автобусная остановка и, судя по времени, автобусы ещё ходят, – она резко развернулась и не спеша направилась к дому, плотно закрывая за собой калитку.

Маша накинула на плечи пиджак и взгляделась в дорогу прямо перед собой. Тяжело вздохнув, она накинула ремень сумочки на плечо и медленно двинулась по обочине вперёд, в указанное направление.

Полонский раздел Максима и уложил в постель, прикрыв сверху одеялом. Он покинул его комнату и, спустившись по лестнице, остановился в прихожей.

– Ты куда? – обратилась к нему Камилла.

– Машина осталась у ворот, загоню. А воспитатель уже уехала?

– А я откуда знаю.

– Ну, ты же оставалась на улице рядом с ней.

Полторацкая пожала плечами.

– Она попросила телефон, чтобы вызвать такси, но мой разряжен, а ты свой забрал с собой.

– А ты что не могла её пригласить в дом, чтобы она отсюда позвонила?

– Слушай, Слава, мы её видим первый раз в своей жизни, может она воровка или ещё хуже.

– Ты совсем чокнулась? Она воспитатель моего племянника. Куда она пошла?

– Мне откуда знать. Я сказала ей, что здесь недалеко автобусная остановка.

– Что? До неё доброго хода полчаса в быстром темпе по неосвещённой дороге, а у человека больная нога. Ты, что не заметила это?

– Почему я должна была её рассматривать? Мне что больше заняться нечем.

Полонский тяжело вздохнул и больше не произнёс ни слова. Он покинул прихожую и стремительно выбежал на улицу к своей машине.

Ростислав пристально вглядывался в темноту дороги, но Урбенину уже не видел. Он сел за руль автомобиля и включив освещение, развернул машину и поехал по дороге медленно, с намерением найти Марию.

Глава 5

Урбенина медленно шла по обочине дороги. Длинное асфальтированное полотно казалось бесконечным, и ему не было конца и края, как и не видно было той автобусной остановки, о которой ей говорила Камилла. Она остановилась, и слегка согнувшись, осторожно помассировала пальцами правую ногу. Ей показалось, что она её не чувствует, как будто мышцы онемели, зато пронзающая боль при ходьбе стала просто невыносимой.

Мария подняла голову и снова осмотрелась по сторонам. Дорога была слабо освещённой и абсолютно пустой, словно в этих огромных домах за высокими заборами жили не люди, а царили призраки. Не было привычного стука дверей, громких людских голосов и лая верных сторожевых псов. Даже в их заброшенном посёлке громкий лай собак не прекращался ни днём, ни ночью. Поэтому сейчас судорожно оглядываясь по сторонам, она слегка потерялась в этой оглушающей тишине.

Маша резко обернулась на шум автомобиля, приближающегося за её спиной, и зажмурилась от ослепившего её яркого света биксеноновых фар. Когда машина поравнялась с ней, дверь со стороны пассажирского сидения слегка приоткрылась.

– Мария Владимировна, вы, почему пошли пешком? – обратился к ней Полонский и, распахнув свою дверь, стремительно покинул автомобиль, направляясь в её сторону. Остановившись рядом, пристально всмотрелся в её лицо.

– У меня телефон разрядился, и я не смогла вызвать такси.

– Почему вы не зашли в мой дом?

Маша молча, пожала плечами.

– Я прошу прощения, что не пригласил вас сразу. Завозился с племянником и позабыл обо всём на свете. Извините меня, за мою рассеянность.

– Ничего страшного, – она улыбнулась. – Простите, как к вам можно обращаться? Я до сих пор не знаю вашего имени.

– Меня зовут Ростислав.

– А отчество?

– Андреевич. Ростислав Андреевич Полонский.

– Очень приятно. Ростислав Андреевич, вы не волнуйтесь за меня. Я сама доберусь до дома. Если это возможно, дайте мне, пожалуйста, свой мобильный телефон и я вызову такси в посёлок.

– Никаких телефонов, я вас сам отвезу. Садитесь в машину.

– Ну что вы, это неудобно. Вам нужно отдыхать после работы. К тому же, Максимка может проснуться и, не обнаружив вас в доме, будет плакать.

– Вот если мы и дальше останемся стоять на дороге и препираться друг с другом, то он действительно проснётся. А так я быстро отвезу вас в город и вернусь домой.

– Но что скажет ваша жена?

– Кто?

– Ваша жена.

– У меня нет жены.

– Но так мне представилась женщина, которая была с вами в машине. Она назвала вас своим мужем.

– Мы не женаты. Садитесь в машину, прошу вас, – он распахнул дверь автомобиля и снова подошёл к ней. – Вам тяжело стоять, я же вижу. Обопритесь на мою руку, – он протянул ей свою ладонь.

Маша, немного подумав, протянула руку и, взяв его под локоть, медленно пошла к его машине.

Ростислав помог ей осторожно опуститься на пассажирское сидение, и быстро обогнув капот автомобиля, сел за руль рядом с нею.

Машина медленно тронулась по дороге, и Мария, откинувшись на спинку кресла, прикрыла глаза.

Полонский периодически поворачивал голову и пристально смотрел на неё, пытаясь рассмотреть её лицо.

Тонкая молочно-розоватая кожа, практически без макияжа, собранные в аккуратный пучок белокурые волосы, слегка вздёрнутый кончик маленького носа, тонкие губы красивой формы и пушистые ресницы, слегка тронутые тушью.

Взглянув в лобовое стекло, он снова перевёл свой взгляд на неё, но уже задержал всё своё внимание на её одежде.

Простенькое ситцевое платье нежного голубого оттенка, летний пиджак серого цвета с рукавом три четверти и лёгкие неопределённого цвета, балетки на ногах. Её руки были сложены на коленях, а пальцы крепко сжимали ремешки небольшой сумки коричневого цвета.

Словно почувствовав на себе взгляд Полонского, Мария повернулась, и Ростислав снова встретился с её проникновенным взглядом цвета серебра. Правда он уже был лишён прежней ярости и ненависти по отношению к нему, как это было в Луговом.

– Может, вы снимете обувь? Нога болит, наверное, – спросил тихо Полонский, обращаясь к ней.

Мария смущённо опустила глаза.

– Ничего страшного. До дома осталось не так далеко, и я потерплю.

Полонский заметил, как она слегка вытянула ногу, пытаясь размять её, и сморщилась от боли. Он повернул руль вправо, остановил машину на обочине и снова взглянул на неё.

– Снимайте свою обувь, немедленно. Вот увидите, вам сразу станет легче.

– Мне неудобно, – тихо произнесла она.

– Перед кем неудобно? Передо мной?

– Да. Мне неловко, что вы вообще повезли меня домой. А снимать обувь в вашем автомобиле, это верх неприличия.

– А я думал, что только Максимка упрям. И ему нужно повторять несколько раз, чтобы он сделал то, о чём я его прошу.

Мария улыбнулась.

– Ну что вы, Максим, очень хороший и послушный мальчик, и выполняет любую просьбу сразу же.

– Ну, значит, порицания за непослушание заслуживает не воспитанник, а его наставник, – Полонский улыбнулся.

Маша невольно чуть дольше задержала свой взгляд на его широкой, ослепительной улыбке. Когда он улыбался, его лицо становилось необыкновенно красивым. Светлым, лучезарным и располагающим к себе человеком. Она отстегнула ремень безопасности и, протянув руку вниз, сбросила с ног балетки.

– Ну, вот совсем другое дело. Давно бы так. Легче?

– Да, намного. Спасибо вам большое!

Полонский улыбнулся и снова направил машину на дорогу.

– Вы давно работаете воспитателем?

– Работать начала сразу после окончания университета. В общей сложности пять лет, но в садике, куда ходит Максим, работаю всего три месяца. Моя мама заведует хозяйством в этом саду много лет и когда воспитатель в группе Максима ушла в декрет, меня взяли на её место. Так отцу легче нас отвозить на работу утром и забирать вечером. Раньше мы работали в разных частях города и в связи с большими дорожными пробками постоянно опаздывали, или нам приходилось выезжать на несколько часов раньше.

- Вам не сложно работать? Вы ведь целый день на ногах.
- Нет, не сложно. Я привыкла. Не могу без работы. Очень люблю то, чем занимаюсь. К тому же, чем больше я двигаюсь, тем лучше себя чувствую.
- Понимаю, но мне кажется, что сегодня ваша нагрузка была более чем повышенная. Мария улыбнулась.
- Ничего страшного, такое случается нечасто.
- Вас родители не потеряли?
- Видимо потеряли. Мой телефон разрядился в самый неподходящий момент. И разговор с отцом оказался прерванным.
- Может, позвоните ему и предупредите, что уже едете, – Полонский протянул ей свой телефон.
- Я думаю, теперь уже разговор всё равно окажется бесполезным. К тому же дозвониться не получится, телефоны остались в моём аппарате, а по памяти помню лишь несколько первых цифр. Никак не заставлю себя завести бумажный телефонный справочник.
- Полонский улыбнулся.
- Максим, как только оказывается в моём доме, только о вас и говорит. Вы ему очень нравитесь.
- Мария улыбнулась.
- Мне тоже он очень нравится. Он не просто мой воспитанник. Мы с ним лучшие друзья.
- Вот как? – Полонский улыбнулся.
- Да. Он чудесный ребёнок. Смыслённый, любознательный и очень ласковый. Он с большим рвением учиться читать, считать и очень мечтает о школе. Он единственный в группе, кто уже бегло читает, и я приношу ему из дома свои старые книги, которые когда-то с удовольствием в детстве читала сама.
- Он ими очень дорожит. Я попытался предложить купить ему новые, но он категорически отказался и назвал ваши книги настоящими.
- Мария улыбнулась, и Ростислав невольно задержал свой взгляд на её лице чуть дольше.
- Ростислав Андреевич, а чем вы занимаетесь в жизни? Я видела вас на стройке и подумала, что вы представитель местных органов власти.
- Нет, я строитель. Вернее, будет сказать, у меня своя строительная фирма. Мы строим жилые дома, торговые комплексы, школы, в общем, всё, на что выиграем тендер.
- Ясно. Значит, вчера на стройке вы были...
- Вы правы. Я исполнитель строительных работ в вашем бывшем посёлке. Заметив её потухший взгляд, он попытался извиниться.
- Простите, я не хотел употреблять слово бывший. Понимаю, что вам до сих пор тяжело это признавать. Я просто хотел объяснить вчера вашему отцу, что ни я, ни мои сотрудники, пытавшиеся вас выселять из дома, ни в чём не виноваты. Мы всего лишь исполнители, и от нас ничего не зависит. А как ваше новое жильё? Уже освоились?
- Маша внимательно на него посмотрела.
- Что-то не так? – спросил он, снова обращаясь к ней.
- Мне пока трудно судить о нашей новой квартире объективно. Мы даже вещи не стали распаковывать и сразу принялись за ремонт.
- Квартира в таком плохом состоянии?
- Не новостройка. И там до нас, по всей видимости, жила не одна семья. Слишком всё оказалось запущено.
- Может быть, вам нужна моя помощь?
- Думаю, не стоит. Папа всё ещё зол на вас.
- Тут я с вами спорить не буду. Он действительно настроен ко мне воинственно. А где вы учились?

– В педагогическом. Я поступила в университет только после двадцати. Пока жили с отцом в гарнизоне, было не до учёбы. Слишком далеко воинская часть располагалась от города, и родители не рискнули меня отпустить одну. А потом, когда папа подал рапорт об отставке, мы вернулись к бабушке и дедушке в Луговое. И я поступила в Санкт-Петербургский государственный педагогический университет по профилю дошкольное образование.

– Почему вы пошли именно в детский сад?

– Я люблю маленьких детей. В них столько непосредственности, чистоты, открытости и любознательности. Всего того, чего лишены мы взрослые. Вопросов иногда задают так много, что только успевай отвечать, а ответить нужно, и непременно каждому, – Маша улыбнулась. – Они чудесные и я их всех так люблю.

Полонский с улыбкой смотрел на её сияющие глаза, когда она восторженно говорила о своей работе.

– Ну а вы кто по образованию? – она внимательно посмотрела на него.

– Я архитектор-градостроитель и тоже окончил университет. Я строитель во втором поколении. Мой дед был строителем, правда, без высшего образования, но зато с золотыми руками. Построил не один дом на своём веку, в том числе свой дом, где прожил с бабушкой всю жизнь и дом моих родителей.

– Ваши родители живут в городе?

– Нет, за городом. В деревне Старая Пустошь. Три года назад я спроектировал и построил им новый дом, на месте старого, и они туда переехали.

– Хорошая у вас работа. Она приносит пользу людям.

Полонский улыбнулся.

– Ваш отец другого мнения о моей работе.

Маша вздохнула.

– Просто для папы потеря этого дома, это словно потеря самого себя. Он родился в Луговом и прожил там много лет своей жизни и ему очень тяжело.

– Поверьте, Мария Владимировна, была бы только моя воля, я бы с удовольствием оставил ваш дом на прежнем месте. Но я всего лишь исполнитель этих строительных работ и все мои попытки вмешаться в этот ваш вопрос с выселением, не дали никаких результатов.

Она повернула голову и внимательно на него посмотрела.

– А теперь куда? Я не очень ориентируюсь в этом районе, – Полонский взглянул на неё.

– Сейчас направо и прямо.

Ростислав сделал поворот руля и остановил машину у пятиэтажного панельного дома. Он пристально всмотрелся в лобовое стекло на фрагмент здания, которое освещали фары его автомобиля. Сразу для себя отметил, что дом был новостройкой лет двадцать пять назад. Облупившийся фасад, деревянные старые рамы в окнах, демонтированные балконы и отсутствие уличного освещения чётко это характеризовало.

– Может вас проводить до подъезда? Здесь очень темно, – спросил он у неё.

– Нет, вы поезжайте домой. Дальше я уже сама, – Маша подняла с колен сумочку и улыбнулась. – Спасибо, за то, что подвезли меня.

– Это вам спасибо, за то, что не оставили Максима и привезли его ко мне. Я, правда, сразу не разобравшись, накричал на вас немного. Вы извините меня, пожалуйста.

– Ну что вы, я понимаю, что вы перенервничали, – она снова улыбнулась. – До свидания, Ростислав Андреевич.

– До свидания, Мария Владимировна. Рад был нашему новому и уже более позитивному знакомству, – Полонский взял её хрупкую руку в свою ладонь и, склонившись, коснулся губами кончиков её пальцев.

Маша смотрела на него несколько растеряно и не трогалась с места.

– Ну, идите, а то наверняка ваши родители волнуются.

Громкий стук в стекло автомобиля, заставил Полонского резко повернуть голову.

Маша поспешно распахнула дверь машины и осторожно вышла на улицу.

– Папа, не надо! – обратилась она к Урбенину. – Прошу тебя, – Маша попыталась как можно быстрее подойти к дверям автомобиля со стороны водительского места, откуда уже показался Ростислав.

– Маша, иди домой! С тобой я позже поговорю, – громко обратился к дочери Урбенин.

– Папа, пожалуйста, я тебе сейчас всё объясню. Прошу тебя, не надо. Не устраивай скандала.

– Я сказал, иди домой! – обратился Урбенин к дочери, повышая свой голос.

– Мария Владимировна, идите домой, прошу вас. Не волнуйтесь, – обратился к ней Полонский и взглянул в её испуганные глаза.

– А ты не командуй моей дочерью! – грозно обратился к нему Урбенин.

– Я не командую. Я просто попросил её уйти. А вы разговариваете с ней на повышенных тонах, вместо того, чтобы для начала разобраться во всём.

– Это моя дочь, и я разберусь сам, как мне с ней разговаривать. Тоже мне защитник нашёлся. Таких защитников как ты, гнать поганой метлой со двора.

– Папа!

– Я сказал, иди в дом! – закричал Урбенин, теряя остатки терпения.

Маша заплакала и, развернувшись медленно пошла к дому.

Полонский смотрел ей вслед, на её неуверенные шаги и слегка подрагивающую походку. Ему даже показалось, что она стала хромать гораздо сильнее, чем прежде.

– Зачем вы так с ней? Ведь она плачет.

– Она плачет по ночам уже целый год, после того, как такой же, как ты задурил ей голову и, женившись на ней, бросил её через три месяца после свадьбы. Он разбил ей сердце и растоптал душу. И когда она вернулась к нам с матерью в дом опустошённая и уничтоженная, я поклялся себе, что ни один мужчина больше не причинит моей дочери боль.

– С чего вы взяли, что я собираюсь причинять ей боль? Я просто подвёз её до дома.

– Подвёз. Мой бывший зять тоже сначала начал её подвозить до дома. Слушай, олигарх, мне кажется, что я сегодня тебя предупреждал насчёт твоего появления в поле моего зрения. И я смотрю, ты страдаешь приступами раннего склероза. Так вот предупреждений больше не будет, – Урбенин схватил Полонского за лацканы пиджака, притянул к себе и, взмахнув рукой, занёс кулак для удара. Но внезапно его рука была перехвачена крепкой ладонью Полонского. Ростислав сжал пальцы Урбенина с такой силой, что заставил разъярённого мужчину невольно опустить руку.

Урбенин смотрел на него, не моргая. Он тяжело дышал.

– Что справился? Отпусти! – мужчина изо всех сил рванул свою руку.

Полонский разжал пальцы.

– Владимир Егорович, я понимаю вашу боль, и ваше раздражение. Но уверяю вас, я не собирался причинять вашей дочери никакого вреда. Я просто подвёз её от своего дома, куда она привезла моего племянника. Мальчик ходит в её группу детского сада.

– Интересно, если это всего лишь твой племянник, то почему Мария привезла его к тебе, а не к его родителям, – Урбенин потирал кисть руки, где до сих пор зияли краснотой отпечатки пальцев Полонского.

– Моя сестра задержалась на работе, и мальчик сказал Марии Владимировне мой домашний адрес, и она привезла его ко мне. Я должен был отвезти её домой. На улице полночь, к тому же у неё разрядился телефон. Поверьте, я вас не обманываю.

Урбенин смотрел на него пристальным взглядом.

– Ладно, считай, оправдался. Откуда такие ручищи сильные? Как-то они не очень вяжутся с твоим холёным образом.

Полонский улыбнулся.

– После университета до открытия собственной фирмы несколько лет работал физически на стройке. Хотел увидеть основу, внутреннюю грань этой профессии.

– Неужели! Ты и стройка для меня вещи несовместимые. Хочешь сказать, что и кирпичную кладку делать умеешь?

Ростислав снова улыбнулся.

– Раньше умел и довольно неплохо. Думаю, что сейчас если бы попробовал, всё вспомнил.

Урбенин усмехнулся.

– Ну что ж, поверю на слово. Ладно, олигарх, поезжай домой. Я думаю, конфликт между нами улажен.

– Очень на это, надеюсь.

– Только смотри не расслабляйся. Это было моё последнее предупреждение. Повторяю, держись от моей дочери подальше.

– Вы что её держите под замком?

– Я её держу подальше от таких хлыщей, как ты. Ей нужен простой человек по жизни, а не такие, как вы с тугими кошельками и лишённые напрочь элементарного уважения к женщине. Один такой уже клялся ей в вечной любви, так что давай, проваливай.

Полонский отошёл в сторону и, открыв дверь автомобиля, попрощался с Урбениным и сел в салон машины. Завёл двигатель и медленно выехал со двора дома.

Маша стояла у окна своей новой спальни и, затаив дыхание, смотрела на отъезжающую машину Ростислава. Она видела всю их потасовку с отцом и едва удерживала себя от того, чтобы не выйти снова во двор и, бросившись к нему, умолять оставить Ростислава в покое.

Когда входная дверь громко стукнула, она машинально опустилась на стул.

Отец появился на пороге её комнаты и, взглянув на неё, присел рядом.

– Ты извини меня, что я с тобой так грубо говорил на улице. Просто увидев тебя с ним рядом, взбесился. Ты же знаешь, что он один из тех сволочей, которые выдворили нас из дома. И по вине, которого мы оказались на этой помойке, – он обвёл взглядом её комнату. – Поэтому мне бы не хотелось, чтобы ты общалась с ним, даже если он родственник твоего воспитанника.

– Папа, никакого общения быть не может. Мы просто случайно встретились сегодня возле его дома, и он просто подвёз меня.

– Это хорошо если так. Мне бы просто не хотелось, чтобы ты снова страдала. Он малый пронырливый, а ты доверчивая у меня и совсем не знаешь этой жизни, несмотря на то, что уже взрослая женщина. Ты по-прежнему веришь в хороших и искренних людей, а на деле оказывается, что сволочей гораздо больше.

– Ты не прав, папа. После брака с Иверским я больше не верю в иллюзии, в которых жила прежде, и надеялась на чудо и счастье в моей жизни. Степан всё уничтожил. Сжёг всё, что было светлого в моей душе.

Урбенин погладил её по волосам.

– Ты обязательно встретишь настоящего мужчину, который полюбит тебя, а все эти ходки тебе и даром не нужны.

– Полюбит... – она грустно улыбнулась. – Меня никто и никогда не полюбит, папа. Такую как я, любить нельзя.

– Не думай об этом, – он прижал её к своей груди и нежно коснулся губами её волос. – Всё у тебя будет хорошо. Я уверен в этом.

Она обняла его руками за шею и, прижавшись к его груди, тихо заплакала.

Спустя полчаса Урбенин зашёл в спальню и присел рядом с женой на кровати.

– Володя, ну зачем ты ругался с этим молодым человеком? Маша мне всё рассказала, и я думаю, ты был не прав. Мне он нравится и производит впечатление порядочного человека.

И что он сделал? Всего лишь подвёз её домой. Он поступил, как настоящий мужчина. Ведь оставить её на пустой тёмной дороге как раз и смог бы настоящий мерзавец.

– Валя, ты, как и твоя дочь наивна и чиста. И веришь всем людям. А я, таким, как этот мальчишка, не доверяю.

– Он не мальчишка, он взрослый мужчина. Вспомни, как он пытался помочь нам, когда приехал на стройку.

– Помочь... На словах они все пытаются нам помочь. Давай, ложится спать. Я не хочу продолжать дальше этот разговор. Не стоит этот Ростислав этого.

– А он Ростислав?

– Да.

– Красивое имя и доброе.

– Доброе. Ещё бы неплохо, чтобы к этому имени, и начинка прилагалась соответствующая.

– Я купила всё для ремонта комнаты Маши.

– Отлично. Тогда завтра с утра и приступим к работе, – Урбенин поднялся на ноги и медленно направился из комнаты.

Маша прислушивалась к разговору родителей, едва различимого в соседней комнате. Она открыла книгу, но прочитав всего несколько страниц, закрыла повесть, повернула голову и посмотрела в окно, на царившую за стеклом темноту.

Почему-то сейчас вспомнила лицо Полонского, когда он сидел рядом с ней в машине. Его глаза чайного цвета, каштановые густые волосы и улыбка, вот что заставило её даже сейчас невольно улыбнуться и прикрыть глаза. Ослепительная, словно лучи первого весеннего солнца, ласкающая и заставляющая невольно зажмуривать глаза от удовольствия. Когда он улыбался его лицо, словно светилось каким-то мальчишеским задором. И его образ строгого бизнесмена таял на её глазах без следа.

Маша слегка нахмурилась, вспомнив о роскошной брюнетке, представшей рядом с ним возле машины и назвавшаяся его женой. Она тяжело вздохнула и, потушив свет, легла на подушку.

«Размечталась о мужчине, с которым рядом такая женщина» – подумала она про себя и прикрыла глаза. «С таким, как он должна быть только такая, как эта красавица, а ей даже и мечтать не стоит».

Утром Максим открыл глаза и, заметив дядю, сидевшего на его постели, снова их крепко зажмурил.

– Ну-ка, хитрец, открывай глаза. Я знаю, что ты не спишь.

Мальчик нехотя приоткрыл веки и виновато посмотрел на Полонского.

– Я знаю. Ты будешь сейчас меня ругать, – жалобным голосом произнёс малыш.

– Конечно, буду. Ты что устроил вчера? Поднял на ноги всех. Мама с ума дома сходит, а ты приехал ко мне.

– Они не приехали за мной в сад, и я решил уехать к тебе.

– И ты решил их наказать таким способом? Ты считаешь, что это правильно?

– Нет, я не хотел их наказать. Я просто хотел поехать к тебе, – он посмотрел на Полонского, слегка сморщив носик и готовый заплакать в любую минуту.

– Чтобы поехать ко мне, нужно было сказать об этом маме заранее. Так нельзя делать, понимаешь. Теперь может случиться так, что мама тебя ко мне вовсе не отпустит.

– Это, правда?

– Конечно.

– Тогда я вообще отсюда никуда не уйду, – Максим отвернулся и накрыл голову одеялом.

Ростислав вздохнул и присел к нему ближе. Откинув край пододеяльника в сторону, развернул мальчика к себе.

– Ну что с тобой? Ты ведь всегда был послушным и никогда не капризничал?

– Они всё время заняты и им не хватает на меня времени. Мне скучно в квартире.

Сегодня суббота и я опять буду один.

– Почему? Сегодня выходной и наверняка вы куда-нибудь поедете все вместе.

– Я тебе мешаю?

– Ну что за глупости ты говоришь? Как ты можешь мне мешать. Я ведь люблю тебя.

Максим улыбнулся и, приподнявшись, вскарабкался на Ростислава сверху и обнял его ладошками за шею.

– Упроси маму оставить меня с тобой на выходные, пожалуйста, – мальчик умоляюще смотрел в глаза Полонского.

– Боюсь, она не согласится.

– Ну, пожалуйста.

Ростислав прижал голову мальчика к своему плечу и погладил его по волосам.

– Ну, хорошо, я постараюсь. Вставай, иди чистить зубы и умываться. Для начала поедем разговаривать с твоими родителями, а дальше будет видно.

Максимка ослепительно улыбнулся и, скатившись на постель, подскочил с кровати и побежал в ванную комнату.

Ростислав задумчиво смотрел прямо перед собой. У него были планы на эту субботу. Камилла просила сходить с ней по магазинам, и вечером они планировали поужинать вдвоём в ресторане. Но теперь он понимал, что снова его личные планы откладываются и повторного выяснения отношений с ней не избежать. А начало выходных будет ознаменовано и ещё одним неприятным разговором с сестрой и её мужем, как только они с Максимом приедут в их дом.

Быстрый завтрак и стремительные сборы домой к Кавериным заняли всего несколько минут. Полонский не успел поговорить с Камиллой перед отъездом. Она крепко спала и на все его попытки её разбудить, лишь спросонья ворчала. Одев Максима, Ростислав оставил ей на тумбочке записку и, взяв за руку маленького разбойника, повёз его к родителям.

Глава 6

– Оля, прекрати кричать, – тихим голосом обратился к ней Ростислав, пытаясь успокоить сестру, которая ходила в гостиной из угла в угол.

– Мне надоели ваши морали с обеих сторон, – она гневно посмотрела на мужа и брата.

– Мы хотим, как лучше. Твоя работа отнимает слишком много времени и тебе некогда заниматься Максимом, – продолжил говорить Полонский.

– Я давно ей об этом говорил, что её работа приносит небольшой доход, и мы прекрасно бы обошлись и без этих денег, – произнёс Дмитрий.

– Конечно, была бы твоя воля, ты бы посадил меня в этих четырёх стенах с кастрюлями и сковородками. А я тоже хочу строить карьеру, как и ты. Хочу находиться среди людей и хорошо выглядеть, а не погрязнуть в домашних халатах и тапочках. Чем я хуже тебя? Мы учились в одном институте и получили одинаковое образование.

– Ты не хуже своего мужа, но у тебя есть основные обязательства в жизни. Ты для чего родила ребёнка? – не унимался Ростислав.

– Я родила ребёнка, потому что думала, что у меня есть муж. И мне будет на кого положиться, а оказалось, что он даже не способен был вчера забрать ребёнка из детского сада. И теперь я вынуждена выслушивать морали от своего брата о том, что я плохая мать.

Полонский резко поднялся и подошёл к двери. Слегка приоткрыв её, он выглянул в коридор и, убедившись, что за ней нет мальчика, снова повернул голову в сторону сестры.

– Говори тише, Макс услышит.

– Сначала заведут, а потом говори тише, – Ольга опустила на стул и, закрыв лицо руками, расплакалась.

Полонский подошёл к ней ближе и присел перед ней на корточки. Немного подумав, отнял её руки от лица и пристально всмотрелся в её глаза, полные слёз.

– Никто не говорит, что ты плохая мать, и чтобы ты сидела в четырёх стенах, но просто ты должна немного больше своего внимания уделять сыну. И забирать его с садика вовремя, а не забывать его там до полуночи. В крайнем случае, могла бы позвонить мне. И если вы действительно заняты оба, то я всегда смогу приехать и забрать его. И вчерашнего бы инцидента и потраченных нервов не случилось бы никогда. Мало того, что ребёнок остался один, мы все стали причиной того, что его воспитатель, вместо того чтобы отдохнуть после работы, была вынуждена ехать до моего посёлка, а потом думать, как вернуться домой.

– Я уже позвонила ей сегодня и извинилась. Она очень хорошая женщина и сказала, что ей было совсем необременительно.

– В общем, я надеюсь, что сегодняшний неприятный разговор больше не повторится. Я заберу Максима сегодня на целый день и привезу его ближе к вечеру. Он просился остаться со мной. И надеюсь, за то время что у вас будет, вы сможете всё обговорить и решить, как вам быть дальше с вашим сыном и вашей работой.

– Но, Камилла мне вчера звонила и сказала, что у вас совместные планы были на сегодня.

– Придётся их отложить. Я думаю, в магазины она и без меня ходит. А ресторан заказан на вечер. К тому времени, я привезу Максима домой.

– Спасибо тебе, – Ольга обняла брата за шею.

– Не за что, – Ростислав поднялся на ноги и, попрощавшись с Дмитрием, пошёл на выход из квартиры.

Максим стоял у его машины на улице и выводил пальчиком какие-то узоры на дверце его автомобиля. Заметив дядю, стремительно направляющегося по дорожке, внимательно посмотрел на него.

– Меня не отпустили? – спросил он тихо, как только Полонский остановился с ним рядом.

Ростислав пристально посмотрел на него.

– Сказали, что если ещё подобный побег повторится, то не отпустят ко мне больше никогда, а пока садись в машину, бандит, – заметив улыбку на губах мальчика, он подхватил Максима на руки и, распахнув двери, усадил его в салон автомобиля.

Сев за руль, посмотрел в зеркало заднего вида.

– Ну что? Куда поедем?

– В парк. Я хотел покататься на аттракционах.

– В парк, так в парк. Только ты не будешь против, если мы позавтракаем основательно для начала. А то пустой чай и один бутерброд, которые были дома уже не ощутимы. Я после общения с твоими родителями растерял последние силы.

– Я не против, – мальчик улыбнулся.

Быстрый завтрак в детском кафе и парк аттракционов, распахнувший перед ними двери, заставили напрочь позабыть о неприятных разговорах и переживаниях накануне. Бесконечные виражи и гонки, взлёты и падения, мелькающее счастливое и заливисто смеющееся лицо племянника. Всё это закружило Ростислава так, словно он сам был ребёнком, когда оставался вдвоём с мальчишкой. Словно сам погружался в детство и вспоминал всё то, что когда-то любил сам.

Вот так же, как Максимка обнимать ладонями воздух, когда потоки тёплого ветра били в лицо в вихре карусели. Светиться от счастья, когда в руках оказывался пучок сахарной ваты, которую нужно было съесть быстро, опасаясь, что её большой кокон, подобно мороженому растает на твоих глазах.

Забывтое в череде бесконечных серых будней ощущение эйфории и счастья заставляло, просто забросить хотя бы на день свои дела и взрослые заботы и погрузиться в мир детства. Ростислав ловил себя на мысли, что был благодарен Максиму за то, что он помогал ему юридически сделать это. Потому что в череде его деловой жизни на эти эмоции совсем не оставалось свободного времени.

Они вдвоём медленно шли по дорожке на лужайку, где намеревались расстелить плед и посидеть у воды, погреться на солнышке и просто побездельничать.

Ростислав пристально смотрел по сторонам в поисках свободного места. День был в разгаре и отдыхающих уже, занявших места у воды было предостаточно. Неожиданно мальчик бросил его руку и сорвался с места.

– Максим, куда ты? Стой! – прокричал Ростислав.

– Там, Мария Владимировна, – мальчик остановился на мгновение и показал пальчиком куда-то в сторону. Снова сорвавшись с места, бегом направился к пруду.

Ростислав пристально посмотрел в сторону женщины, сидевшей с книгой у воды, и медленно направился вслед за племянником. Когда он подошёл к ним, Максим уже сидел на коленях Урбениной и крепко обнимал её за шею.

– Добрый день, – тихо произнёс Ростислав, остановившись рядом с ними.

Мария подняла глаза и улыбнулась.

– Здравствуйте, Ростислав Андреевич. Я думала Максимка здесь с родителями.

– Нет, сегодня мой день, быть его родителем. Вы позволите? – он показал на место рядом с её пледом.

– Конечно, – она снова улыбнулась.

Ростислав расстелил вдвое свой плед и присел рядом с женщиной.

– Тоже отдыхаете? – обратился он к ней.

– Да. Родители отправили меня из дому. Они занимаются покраской в моей комнате, а у меня аллергия на химические средства, и я пришла сюда. Я здесь впервые. Этот парк, ближайший к тому месту, где мы теперь будем жить. Раньше я любила отдыхать в своём саду. Теперь сада нет, и придётся ходить в парк.

– А я здесь не в первый раз. Хотя давно уже не был, и если бы не этот маленький разбойник, – Ростислав погрозил пальцем Максиму, который намеревался бросать камни в воду. – То вероятнее всего, и не выбрался бы никогда, – он поднял голову и взглянул на задумчивый взгляд Марии, которым она скользила по водной глади водоёма.

Сегодня она была окутана романтикой и уютом. В длинном кремовом платье с распущенными по плечам волосами. Они не были слишком длинными и слегка прикрывали её плечи, рассыпавшись шелковистыми волнами. На лице по-прежнему отсутствовал яркий макияж, губы лишь слегка были тронуты прозрачным блеском, и кончики ресниц немного завиты кверху. Тоненькая золотая цепочка с крестиком на шее, полупрозрачное платье без рукавов и босая. Почему-то Полонский задержал свой взгляд дольше обычного именно на её хрупких ступнях. Заметив её взгляд, поспешно отвернулся в сторону и взглянул на воду.

– Здесь очень красиво.

– Вы правы, – Маша потянулась к корзинке и, достав зелёное яблоко, протёрла влажными салфетками ладошки Максима и вручила ему спелый плод. Тот, поблагодарив, моментально надкусил сочную кожицу яблока и, развернувшись, снова медленно направился к воде.

– Максим, далеко не уходи, – крикнул Полонский.

– Я буду здесь, – повернув голову, ответил мальчишка и с удовольствием снова вонзил зубки в яблоко.

– Угощайтесь.

Полонский повернул голову.

Маша протягивала ему яблоко.

– Спасибо, – он взял фрукт в свою руку и невольно коснулся её пальцев своими.

Они словно замерли, удерживая вместе одно яблоко, и через минуту тихо рассмеялись, когда оно всё-таки оказалось в пальцах Ростислава.

– Очень вкусное, – он с наслаждением откусил второй кусочек от яблока. – Я люблю красные сорта. Но это тоже очень сладкое.

Маша перевела свой взгляд на него и улыбнулась, наблюдая, как он с удовольствием ест яблоко.

Ростислав посмотрел на неё с улыбкой.

– Что-то не так?

– Нет, просто, когда вы едите, вы похожи на вашего племянника и это так забавно.

– Ну что ж, я думаю это нормально, учитывая, что он мой родной племянник. Что вы читаете? – Полонский показал на книгу в её руках.

– Чехов «Драма на охоте».

– Вам нравится эта книга? Но ведь там плохой финал.

Маша пожала плечами.

– Но мне нравится эта история. Есть в ней какое-то магическое очарование для меня. К тому же я очень люблю, как пишет Чехов, хотя признаюсь, его юмористические рассказы люблю не очень.

– А я напротив, их глотал когда-то.

– Вы любите читать?

– Не буду лукавить. Сейчас практически не читаю. Некогда.

– Понимаю, ваша работа.

– Да.

Максим вернулся и присел между ними, прислонившись головой к руке Полонского.

– Не устал? – Ростислав слегка взъерошил его волосы. – Может, поедем домой?

– Нет. Я хочу ещё здесь остаться.

– Максимка, целый день сегодня с вами? – с улыбкой спросила Маша.

– Да, вечером отправимся домой. Передам его родителям, – Ростислав пристально всмотрелся в её лицо, которое она, спустя минуту, смутившись, отвела в сторону и снова посмотрела на воду.

– Весело вам с ним, завидую.

– Да уж, скучать он мне не даёт.

Полонский без стеснения принялся рассматривать её лицо уже при солнечном ярком освещении. Нежная кожа, подрагивающие ресницы и слегка сжатые губы. Она смотрела, не моргая на воду, и явно о чём-то думала.

– Где бы ещё встретились! – раздавшийся за спиной громкий мужской голос, заставил повернуться их обоих.

Ростислав пристально всмотрелся в силуэт высокого, плотного мужчины, который стоял со скрученным в трубочку пледом под мышкой и смотрел с ехидной улыбкой на Машу. Полонский взглянул на Урбенину и заметил, как она побледнела и резко отвернулась, опустив голову. Её пальцы подрагивали. Она поспешно закрыла книгу, положила в корзину оставшиеся яблоки и бутылку воды.

– Что случилось? – обратился к ней Полонский.

Она перевела на него слегка рассеянный взгляд.

– Я ухожу.

– Почему? Кто это? – Ростислав снова повернул голову на мужчину, который уже к ним приближался.

– Что, перестала узнавать своего мужа? – мужчина плюхнулся на плед рядом с ней, отложив свой куль в сторону.

– Степан, уходи, прошу тебя, – тихо проговорила она.

– Что значит уходи? Мы не виделись с тобой несколько месяцев.

– Я бы предпочла и дальше тебя не видеть.

– Что ты говоришь. А кто-то ещё совсем недавно клялся мне в вечной любви.

Маша попыталась подняться на ноги, но мужчина резко дёрнул её за руку, и она, потеряв равновесие, снова присела на плед.

– А я, между прочим, скучаю по тебе и по твоей трепетной заботе. Ты как не странно оказалась лучшей женой и твоей опеки мне не хватает.

– Что, снова нужна домработница?

– А для большего ты не годишься. Ты же видела себя в зеркало. Но я всё равно скучаю по тебе. Ты преданная, а это отличный показатель для жены. Возвращайся ко мне. У меня теперь есть свой дом, в ваш я больше не вернусь, потому что твой папаша грозился убить меня, если ещё раз увидит с тобой рядом, – мужчина обнял её за талию, притягивая к себе.

– Оставь меня в покое, – она расцепила его руки. – Ты пьян, уходи.

– Подумаешь, нежная какая, раньше тебя это не смущало. Да, и выпил я всего ничего, бутылку пива с утра. Имею право, у меня законный выходной. Поехали ко мне. Я соскучился. Помнишь, как тебе было хорошо со мной в постели. Я тебя всему научил. Ты ведь до меня даже не знала, что это такое испытывать удовольствие с женщиной.

– Отстань от меня. Убирайся! Я тебя, презираю! – Маше всё-таки удалось подняться на колени, но сильная мужская рука снова усадила её на место.

И когда его стальные пальцы на её руке заставили её сморщиться от боли, Ростислав решил вмешаться.

– Послушайте, любезный, вам, кажется, ясно сказали, чтобы вы уходили и не мешали людям отдыхать.

Иверский поднял глаза и гневно взглянул на Полонского.

– А тебе, козёл, что кто-то мешает? Сиди и отдыхай, а я с женой разговариваю.

– Маша, это что ваш муж?

– Мы в разводе уже год, – она смотрела в глаза Полонского, и он заметил в их глубине выступившие слёзы.

Взглянув на Максима, который по-прежнему стоял у воды и бросал камешки, Полонский поднялся на ноги и, взяв Машу за руку, помог ей подняться. Передав в её руки корзину с яблоками и книгу, он гневно посмотрел на развалившегося во весь рост Иверского.

– Встань с пледа! – громко обратился он к нему.

– Ростислав Андреевич, не надо. Пусть сидит. Пойдёмте, – она коснулась пальцами кисти Полонского.

– Я сказал, встань с пледа, сволочь! И проваливай домой.

– А кто ты такой, чтобы мне указывать? А... догадался... Машка стерва, что уже нашла себе хахалю? Только учти, ты такая... – он показал на её ногу, – никому не нужна, кроме меня. Я один тебя терпел, а ты думаешь, это так классно иметь такую жену. Ты жалкая, особенно в постели...

Урбенина закрыла лицо руками и расплакалась.

– Слушай, ты скот, а ну заткнись и проваливай! – Полонский подхватил под локти Степана и, подняв на ноги, резко отбросил его в сторону.

Встряхнув плед от сора и травы, он сложил его и передал Маше в руки.

– Максим, мы уходим, – позвал Ростислав племянника и взглянул на мужчину, который все ещё пытался неуверенно подняться на ноги. И когда это ему, наконец, удалось, он, пошатываясь, направился в сторону Ростислава и Маши.

Урбенина взяла ребёнка за руку и стремительно отошла в сторону.

– Послушай, ты зря это сделал сейчас. Ведь ты даже не знаешь, с кем связался, – несвязно произнёс Иверский.

– Иди, проспись. Я не знаю. Очень хорошо знаю. И если ты считаешь, что занимаешь приличную ступень в этом обществе, то и веди себя соответственно, – Полонский снова легко оттолкнул его в сторону и, собрав свой плед, направился к Маше и Максиму.

Иверский собрался снова пуститься вдогонку и продолжить скандал, но заметив внимательные взгляды людской толпы, находившейся рядом, предпочёл промолчать.

– Ну, ничего, козёл, мы ещё с тобой встретимся, – прошипел он и, подхватив плед в руку и початую бутылку с пивом, направился на выход из парка.

Полонский и Маша шли медленно, удерживая за обе руки Максима.

Мальчик шёл между ними, и периодически поднимая голову, смотрел то на дядю, то на своего воспитателя. Всё, что произошло у пруда, было ему не понятно, и стычка Ростислава с чужим мужчиной тоже.

– Ростислав Андреевич, простите, пожалуйста, что вам пришлось во всё это вмешаться. Мне так неловко, – Урбенина взглянула на Полонского слегка растерянно.

– Перестаньте думать об этом. Забудьте, словно ничего и не было, и давайте лучше наслаждаться отдыхом, – он посмотрел в её глаза.

Она улыбнулась.

– Я есть хочу, – раздавшийся голос мальчика, заставил их обоих опустить глаза вниз.

– Проголодался? – Ростислав потрепал его по макушке.

– Да.

– Ну, пойдём, будем тебя кормить.

– Мария Владимировна, и вы пойдёмте с нами, – мальчик ухватил рукой её пальцы.

– Ну что ты, Максимка, я домой пойду.

– А вы торопитесь? – Полонский посмотрел на неё.

Маша слегка растерялась и пожала плечами.

– Не спешу. Просто не хочу вам мешать.

– Глупости, вы нам не мешаете, пойдёмте, – Ростислав взял Максима за руку, и они втроём направились в кафе.

Полонский сидел за столиком у окна и, закончив обед, задумчиво смотрел на Марию, которая резала на маленькие кусочки пирог с нежным куриным филе в тарелке Максима, поливала их сметаной и подкладывала ему со своей тарелки порцию добавки. Маленький проказник на свежем воздухе проголодался основательно, поэтому сметал с тарелок всё с повышенной быстротой. Сама она почти ничего не ела, по-видимому, стеснялась и пила только какао, делая крошечные глотки из большой фарфоровой кружки.

Ростислав пытался осмыслить произошедшее на поляне и о том, что могло связывать эту хрупкую утончённую женщину и того зарвавшегося хама, но не находил ответа на свой вопрос.

– Мы закончили.

Полонский взглянул на Машу, которая обращалась к нему. И перевёл взгляд на довольную мордашку Максима, губы которого заботливые руки Урбениной вытирали от сметанных следов.

Ростислав улыбнулся и, расплатившись по счёту, вышел вместе с ними на улицу.

Через несколько минут Маша расположилась под большим раскидистым дубом на лужайке с книгой в руках, но пробежав глазами несколько строчек, читать больше не смогла. Она едва сдерживала смех, когда наблюдала, как Ростислав и Максим дурачились на траве. С улыбкой смотрела на мужчину, который словно сбросил годы и превратился в ровесника своего племянника. Беззаботного, заливисто смеющегося, подбрасывающего высоко в воздух заразительно хохочущего мальчишку и понимала, что её первоначальное мнение об этом человеке, когда впервые столкнулась с ним взглядом на строительной площадке, действительно было ошибочным. Он был другим, совсем другим в жизни. Простым и таким понятным. Когда опустившись с ней рядом на плед, смеясь, рассказывал ей свои воспоминания из детства, ослепительно улыбался и заставлял её теряться, когда его глаза чайного цвета пристально рассматривали её лицо.

Спустя час она держала на руках засыпающего Максима, крепко прижимая его к себе. И слегка касаясь губами его волос, что-то напевала ему, так тихо, что Полонский не мог расслышать ни слова. Он словно замороженный смотрел на умиляющую его глаз картину и, несмотря на то, что им давно нужно было возвращаться домой, не хотел трогаться с места. словно воспоминание о своём детстве промелькнуло перед глазами. Мама, прижимающая его к себе, и напевающая колыбельную, пока он не уснёт.

Он присел рядом с Машей и, взглянув на личико Максимки, уютно уткнувшегося носом в её руку, улыбнулся. Странное и безумное желание промелькнуло сейчас в его голове. Ему вдруг захотелось обнять её и сидеть вот так втроём. Слушая тихое сопение племянника и самому ощутить тепло руки Маши, которую крепко сжимал во сне Максимка.

– Ростислав Андреевич, мне пора домой, – тихо прошептала она, боясь разбудить мальчика. – Родители ремонт затеяли, и я хотела помочь маме с уборкой.

– Конечно. Давайте, я возьму его, – Ростислав поднялся на ноги и, взяв мальчика на руки, снова взглянул на неё.

Маша, не торопясь, встала и слегка прихрамывая, собрала плед и подошла к Ростиславу ближе.

– Рада была встретиться с вами.

– Подождите, я вас подвезу.

– Нет, ну что вы, если отец снова вас увидит, то...

– Я остановлю машину не заезжая во двор, не волнуйтесь. Пойдёмте, – он медленно направился на выход из парка.

Маша послушно пошла за ним.

Он действительно остановил машину не заезжая во двор и открыв дверь, помог ей выйти на улицу. Подал плед и корзинку в её руку, он, склонившись, нежно коснулся губами её пальцев.

– Спасибо вам.

– За что? – она недоумённо на него посмотрела.

– За эмоции, которых давно не испытывал в своей жизни. За вашу доброту и тепло, которыми вы согрели сегодня не только этого маленького задиру, но и меня, считающего, что давно утратил все свои человеческие эмоции. Спасибо.

– Это вам спасибо, за то, что защитили меня. Спасибо вам большое, Ростислав Андреевич.

– Всегда готов вас защищать. Обращайтесь, – Полонский пристально всмотрелся в её глаза и через минуту они оба рассмеялись.

Он стоял у машины, прислонившись спиной к дверям, и смотрел, как она медленно, прихрамывая, направлялась к дому. Но сейчас он не видел ни её хромоты, ни её увечья. Он видел перед собой только её светлый образ в лёгком полупрозрачном платье, с распущенными по плечам волосами. Силуэт, который удаляясь, всё дальше, забирал с собой ауру абсолютного покоя и гармонии. Которые сегодня целый день окружали Ростислава со всех сторон и казались такими привычными и обыденными, словно он всегда их чувствовал и ощущал прежде, но просто изрядно подзабыл и вот обрёл снова.

Он взглянул на небо и, улыбнувшись, медленно направился к дверям автомобиля, намереваясь вернуться домой.

Глава 7

Полонский остановился на пороге своей спальни и взглянул на Камиллу, сидевшую у зеркала. Она нервно расчёсывала свои волосы и делала вид, что его не замечает.

Ростислав подошёл к ней ближе и, склонившись, коснулся губами её затылка.

Полторацкая резко отстранилась от него в сторону и продолжила игнорировать его и дальше. И лишь, когда он опустил на её колени огромный букет тёмно-бордовых роз, с нежными, словно шёлк лепестками и тонким ароматом, Камилла опустила глаза на цветы и наконец, улыбнулась.

Ростислав присел перед ней на корточки и пристально всмотрелся в её глаза.

– Ну, прости, пожалуйста. Я помню, что обещал провести этот день с тобой, но ты же знаешь, у меня вечные форс-мажорные обстоятельства. Мне было необходимо поговорить с Ольгой и дать им возможность с Димой решить обстоятельно их вопрос с Максимом, – он склонил голову и нежно коснулся губами пальцев на её руке.

Полторацкая провела ладонью по его волосам.

– Ты прощаешь меня? – он поднял глаза и снова посмотрел на неё.

Камилла улыбнулась.

– Прощаю. Ради моих любимых цветов и не такое простишь. Как давно ты мне не дарил именно эти розы, – она поднесла бутоны к лицу. – Такие красивые. Обожаю именно этот сорт за то, что у него дивный аромат.

– Я рад, что они тебе понравились. Ну что, поедем в ресторан?

– Да, прими душ и переоденься. Я приготовила тебе одежду, – она кивнула в сторону вешалки с костюмом и, подняв руку, провела ладонью по его лицу. Склонившись, нежно коснулась его губ своими и, обхватив его руками за шею, крепко прижала к себе.

Ростислав слегка отстранился в сторону.

– Я пошёл в душ, иначе в ресторан мы точно опоздаем, – Полонский улыбнулся и провёл пальцами по её губам. – Сегодня ночью продолжим... – он поднялся на ноги и медленно направился в ванную комнату.

Камилла встала со стула и, поставив цветы в воду, с улыбкой взглянула на себя в зеркало и направилась в гардеробную комнату.

Сегодня она была в прекрасном расположении духа и, несмотря на показную обиду, которую совсем недавно демонстрировала в спальне, прекрасно провела всё своё свободное время выходного дня, пока Полонский наслаждался отдыхом со своим ненаглядным племянником.

Сегодня она впервые была у Куликова в доме. И почувствовала себя по-настоящему хозяйкой в его особняке. Жена и сын уехали отдыхать на Сардинию, и Даниил уже сутки был абсолютно свободным человеком.

Она вспомнила, как не спеша ходила по комнатам и обстоятельно осматривала его дом. Конечно, он был не так роскошен, как дом Ростислава. Но по-своему очарователен и красив. А главное, она впервые была на личной территории своего любовника, а не как обычно, когда их встречи происходили в случайно выбранных для этого местах. Ни с чем несравнимое, феерическое и упоительное ощущение, накрыло её с головой, когда она страстно отдавалась ему в его супружеской постели.

Их привычная ненасытная похоть была удовлетворена только спустя несколько часов, когда она, покинув дом Куликова, вернулась в особняк Полонского, всего за час до его возвращения. Поспешно купленные наряды в ближайшем бутике, были веским доказательством, что она провела весь день в тяжких поисках изысканных нарядов для предстоящего романтического вечера. Потому что уже точно знала, что ужин в ресторане состоится.

Ольга Каверина позвонила ей сразу же, как только её маленький отпрыск появился дома, доставленный Ростиславом. И сегодня Полторацкая в полной мере наслаждалась своим превосходством и теми извинениями, которые сыпались на неё со всех сторон от представителей семейства Полонских.

Всё складывалось необыкновенно удачно. Ростислав чувствовал себя виноватым, а она оказалась на высоте и теперь мучительные раздумья о том, как с ним помириться после их недавней ссоры, больше не занимали её мысли.

Камилла переделалась и, пригладив несуществующие складки на платье, потянулась пальцами назад, застёгивая молнию на спине. Осмотрев себя со всех сторон в зеркало и оставшись довольна своим ослепительным образом, взяла в руку сумочку и не спеша вышла в спальню.

Резко обернулась, заметив стоявшего у кровати Полонского. Он уже был одет и тоже подошёл к зеркалу, чтобы бегло взглянуть на своё отражение.

Полторацкая повернула его к себе и, поправив узел галстука, улыбнулась.

– Ты просто красавчик сегодня. Всегда говорила, что чёрное тебе к лицу, – она провела пальцами по лацканам роскошного пиджака и нежно коснулась губами его щеки. – Ну, пойдём, мне не терпится попасть в наш любимый ресторан. Мы так давно с тобой никуда не выбирались.

– Конечно, пойдём, – Ростислав нежно коснулся губами её пальцев и, взяв её под локоть, направился на выход из комнаты.

Роскошный ресторан итальянской кухни, расположенный на берегу Лебяжьего озера, встретил их изысканным интерьером огромного зала, роскошным видом живописного пейзажа, раскинувшегося за большими панорамными окнами, селенитовой люстрой в центре просторного помещения, приветливыми улыбками обслуживающего персонала и дивными звуками рояля. Уютная расслабляющая атмосфера, небольшой столик на двоих в центре зала и изысканное меню от итальянского шеф-повара, дополненное потрясающим вином, доставленным из старейшего винодельческого региона Италии и ноткой лёгкого воздушного десерта, которым они и закончили свой ужин.

Полонский, откинувшись на спинку кресла, смотрел на Камиллу, без усталости повествовавшую ему о своих походах по магазинам и прекрасном вечере, который они провели вместе.

Почему-то понимал сейчас, что смотрел на неё, а мысли его были где-то далеко в парке, в котором он сегодня провёл весь день с Максимом и Урбениной. Представил, как сейчас, напротив него сидела бы Мария. Робко осматривалась по сторонам, едва притрагиваясь к еде, и снова бы смущённо искала его взгляд, как точку опоры и спасения, как сегодня, в тот момент, когда появился её бывший муж.

Нежное и трогательное существо, человек необыкновенной душевной щедрости и доброты. Перед глазами возникли её серые глаза, постоянно преисполненные лёгкой грустью и каким-то глубинным смыслом, скрытым, как тайна за семью печатями в недрах её души.

Безумно захотелось снова её увидеть, коснуться рукой её чуть прохладных пальцев, как сегодня, когда она передавала ему яблоко. Он невольно улыбнулся, вспоминая этот их невинный казус.

– Славик, ты меня не слышишь? – рука Камиллы, накрыла его пальцы.

Ростислав внимательно на неё посмотрел.

– Что случилось?

– Я спросила, поедем сразу домой?

– Да, я устал сегодня и хочу домой. А ты хотела ещё куда-то?

– Нет, просто спросила, – она протянула ему руку и поднялась на ноги. – Поедем...

Полонский улыбнулся и, расплатившись по счету, пошёл вслед за нею, крепко удерживая её руку в своей ладони.

Они не зажгли света, когда зашли в дом. Камилла не дала Полонскому снять обувь, страстно прильнув к его губам. Поспешно ослабляла узел его галстука, сдёргивала с плеч пиджак и небрежно расстёгивала рубашку.

Оказавшись в спальне, она сбросила с себя платье и, повалив его на кровать, опустилась на него сверху. Склонившись, завела его руки за голову и страстно накрыла его губы своими. Сегодня она правила балом в их постели. Страстно погружая его в чувственное удовольствие, демонстрировала ему всё своё умение и способности. Пытаясь заставить его позабыть обо всём и видеть перед глазами только её...

Спустя час, Полонский присел в постели, когда Камилла заснула. Медленно заскользив взглядом по её обнажённому телу, поднялся с кровати и подошёл к шкафу. Накинув на плечи рубашку и лёгкие домашние брюки, вышел из комнаты. Прихватив на кухне из холодильника бутылку с ледяной минеральной водой, вышел из дома и медленно прошёл по дорожке, направляясь в сад.

Опустившись на скамью, сделал глоток воды и, откинувшись на спину, взглянул на небо. Сегодня оно было чистым и звёздным, а тёплый ветер, гуляющий по дорожкам аллеи, слегка разведал его волосы. Тихое пение сверчков обволакивало его дивным ощущением умиротворения. Хотелось вдохнуть полной грудью и, зажмурив глаза, окунуться в негу тёплой летней ночи.

Странные ощущения в душе не давали ему уснуть сегодня. И дело было не в бурной страсти, которая ещё час назад царил в их спальне с Камиллой. Сегодня она была безудержна и раскована, и он принимал её ласку и желание, играя в постели по её правилам. Но когда страсть поутихла, почувствовал опустошение внутри себя. Словно всё бушующее пламя страсти обожгло не его, а кого-то другого. Потому что навязчиво перед глазами всё время вставал образ Маши. Нежный образ, который не давал ему возможности сосредоточиться на своей любовнице.

Он не хотел этих мыслей, не думал о ней целенаправленно, не желал её, как женщину, но она приходила в его голову, не спрашивая разрешения. Он давно не испытывал ничего подобного, с того самого момента, как жил со своей первой женой. Только в то время испытывал нечто подобное, когда не желание лишь только обладать Лизой в постели было главенствующим, а хотел, чтобы она принадлежала ему полностью.

Но сейчас подобные мысли казались, более чем абсурдны. Урбенина была в его жизни просто случайной знакомой, с которой они познакомились при весьма неприятных обстоятельствах для них обоих. Но тот день, что они провели рядом вчера, словно всё изменил и заставил посмотреть на неё другими глазами. Она не изменилась и не стала другой, по-прежнему была милой простушкой с искалеченным телом и душой. Но ему показалось, что смотрел он вчера на неё уже каким-то другим, особенным взглядом, не таким, как прежде. А, впрочем, может, ему просто это всё показалось.

Слегка потянувшись, Ростислав улыбнулся. Прикрыв рот рукой, сладко зевнул и, поднявшись на ноги, медленно направился к дому.

– Камилла, ты со мной едешь на работу? – обратился Полонский к Полторацкой, и поправил узел галстука перед зеркалом.

– Нет, дорогой, я не успеваю. Я доберусь сама. Можно я задержусь сегодня немного? Я что-то плохо себя чувствую.

– Что случилось? – он обернулся.

– Эти кондиционеры в офисе, похоже, меня доконали. У меня насморк, по-моему, начинается.

– Тогда может, останешься дома? – он присел с ней рядом на постели и погладил её по волосам.

– А можно? – она с надеждой во взгляде посмотрела на него.

– Ну конечно, можно. Отлежись и полечись, как следует. Сегодня никаких срочных дел для тебя в офисе не предвидится. Так что оставайся и не вылезай из постели целый день.

– Спасибо тебе большое, – она чмокнула его в щёку и, повернувшись на бок, прикрыла глаза.

Ростислав подхватил портфель с документами и снова подошёл к кровати.

– Постарайся, подлечиться сегодня. Тебе нужны какие-нибудь лекарства?

– Нет, я только недавно обновляла нашу аптечку.

– Ну, тогда я поехал, – он провёл пальцами по её лицу.

– Удачного тебе дня, – Камилла обняла его за шею руками и прильнула к его губам. –

Ты на обед, приедешь?

– Нет, перекушу в кафе. А ты отдыхай. Завтрак на столе, только разогрей всё. Пока! – он поцеловал её в губы.

– Спасибо тебе большое за заботу. Пока, – она махнула рукой на прощание. И как только он скрылся за дверью, Камилла откинулась головой на подушку, зажмуривая глаза и ослепительно улыбаясь.

Сегодня Куликов должен был уехать в командировку на три дня, и пообещал, что на работе его не будет. Для Полонского он будет с утра уже в дороге, а для неё он будет доступен у себя дома весь день до самого вечера.

Прислушавшись к звуку покидающей двор машины Ростислава, Камилла поднялась и присела в постели. Отбросив одеяло в сторону, она встала на ноги и подошла к шкафу.

Перебрав свои многочисленные недавние покупки, она выбрала короткое узкое платье цвета спелой малины и нежный комплект шёлкового нижнего белья. Сбросив с себя сорочку, стремительно переделалась и остановилась у зеркала, поправляя макияж губ.

Прихватив сумочку, ключи от машины и телефон, она направилась на выход из спальни, с намерением как можно быстрее добраться до дома Куликова.

Полонский остановил машину в длинной веренице дорожной пробки. Он специально выехал сегодня на час раньше, чтобы появиться в офисе до прихода своих сотрудников. Рабочая неделя начиналась, и дел было предостаточно.

Он скусающим взглядом обвёл стоявшие рядом с ним машины и, взглянув в лобовое стекло, снова повернул голову в сторону, заострив своё внимание на стоявших на автобусной остановке двух женщин. Одна из них постарше периодически посматривала на часы и что-то говорила своей дочери.

Полонский улыбнулся и, нажав на кнопку клаксона, попытался привлечь их внимание.

Женщины прервали свой разговор и сосредоточили всё своё внимание на его машине.

Ростислав опустил стекло со стороны пассажирской двери и обратился к одной из них:

– Мария Владимировна, садитесь ко мне в машину.

Урбенина узнав Полонского, перевела вопросительный взгляд на мать, но он снова окликнул её, поторапливая, потому что впереди стоявшие машины уже начали своё движение.

Женщины, посмотрев друг на друга, стремительно направились к его машине. Оказавшись в салоне, Маша взглянула на приветливое лицо Ростислава.

– Доброе утро! – обратился он к обеим женщинам.

– Доброе утро! – дружно ответили они ему.

– Вот уж не думал, что встречу вас сегодня утром, да ещё на дороге, – обратился он к Марии.

– У папы поломалась машина, и сегодня мы с мамой остались без транспорта. Нам предстоит несколько пересадок, чтобы добраться до работы.

– Я вас подвезу, не волнуйтесь. Нам почти по пути.

– Спасибо вам большое, Ростислав Андреевич, – обратилась к нему Валентина Александровна, сидевшая на заднем сидении.

– Ну что вы не стоит. Вы знаете, моё имя?

– Да, Маша мне рассказывала о вас.

Полонский улыбнулся.

– А вот вас она мне не представила.

Мария смущённо улыбнулась.

– Валентина Александровна, моя мама.

– Очень приятно. Рад знакомству, – Полонский взглянул на женщину в зеркало заднего вида.

– Мне тоже очень приятно с вами познакомиться, – ответила женщина с улыбкой.

– А что случилось с машиной Владимира Егоровича? – спросил Полонский.

– Очередная поломка. Машина уже довольна старая, но муж категорически не собирается менять её, несмотря на то, что я предлагала ему сделать это, и у нас появилась такая возможность несколько лет назад. Но он проигнорировал, сказал, что эту машину он не продаст никогда.

Ростислав улыбнулся. Другого ответа он и не ожидал услышать. Характер Урбенина он уже изучил чётко, и это касалось не только вопросов его личного имущества, но и его домашних. Все зависели от его мнения и единолично принятого им решения.

Ростислав остановил машину в очередном дорожном заторе и перевёл взгляд на Машу.

Она сидела молча и смотрела прямо перед собой. Лишь иногда поворачивала голову, и он ловил боковым зрением на себе её осторожные взгляды. Но как только пытался посмотреть на неё сам, она тут же отводила свои глаза в сторону, словно боялась, что ее, застигнут врасплох за рассматриванием его внешности.

Когда он, наконец, свернул с основной дороги в проулок и остановил автомобиль у ворот детского сада, женщины поблагодарив и попрощавшись, покинули его машину.

Он смотрел ещё несколько минут на две женские фигуры, исчезающие за воротами учреждения. Ждал, пока они поднимутся по лестнице, и неожиданно поймал внимательный взгляд Марии, когда остановившись у входной двери, она обернулась и взглянула на его машину. Заметив его присутствие у ворот детского сада, задержалась на месте чуть дольше, и он заметил, как её губы посетила лёгкая, едва различимая улыбка.

Ростислав невольно улыбнулся, словно в ответ, и когда она скрылась за дверью, завёл двигатель автомобиля и покинул парковочное место, направляясь в офис.

– Послушай, Камилла, тебе не кажется, что мы оба рискуем, забывая о работе и предаваясь нашим бурным утехам и радостям? – тихо проговорил Куликов, поглаживая кончиками пальцев плечо Полторацкой.

Она повернулась к нему и, притянув простынь, прикрыла своё обнажённое тело и внимательно на него посмотрела.

– Не думаю. Мы прекрасно с тобой до этого морочили голову господину Полонскому, и я собираюсь и дальше продолжать всю эту игру.

– Смотрю, ты вошла во вкус. А кто-то ещё совсем недавно паниковал и говорил мне, что не сможет, устал и вообще противно.

– Я всё хорошо обдумала, – она приподнялась и, притянув к себе бокал с шампанским, сделала глоток сладкого вина и блаженно прикрыла глаза. – Думаю, все наши усилия очень скоро окупятся.

– Очень на это, надеюсь. Знаешь, при всей простоте задачи, я бы на твоём месте был осторожнее. Полонский не так прост, как ты о нём, думаешь.

– Я тебя умоляю... – она рассмеялась. – Не так прост. Проще не бывает. Я живу с ним больше месяца и изучила его, как облупленного. Организован, скучен и предсказуем до тошноты. Идеальный аккуратист в быту и спокоен, как тысяча удавов. Вывести его из равновесия крайне сложно. Иногда знаешь, мне безумно хочется закатить ему жуткий скандал и хотя бы раз вывести его из равновесия.

– И что же не закатила ни разу?

Камилла злорадно усмехнулась.

– Не волнуйся, закачу. Как только соберёмся с тобой уезжать в Барселону, я на нём за всё отыграюсь. Всё ему припомню.

Куликов задумчиво смотрел на её лицо и на горящие ненавистью глаза.

– А ты коварная... – он нежно провёл пальцами по её щеке.

– Ты меня ещё не знаешь, – она, шутя, прихватила зубами кончик его носа и ослепительно улыбнулась.

Камилла потянулась к его губам, но Даниил резко отстранил её от себя, заметив звонивший телефон на тумбочке. Взяв аппарат в руку, внимательно посмотрел на экран.

– Чёрт! Только вспомнили о нём.

– Полонский?

– Да, – Куликов поспешно отбросил в сторону руку Камиллы, поглаживающую его бедро, и присел в постели. – Да, Ростислав! Я уже в аэропорту. Да, сразу позвоню, как только переговоры закончатся. Что-то случилось? Что-то серьёзное? Я понял, не телефонный разговор. Ну, хорошо, когда вернусь, поговорим. Пока! – он отложил телефон в сторону и задумчиво посмотрел перед собой.

– Что-то случилось? – Камила коснулась рукой его лица.

– Видимо случилось. Полонский что-то не в духе. Интересно, что его так разозлило.

– Понедельник, сам понимаешь. Видимо кто-то испортил настроение нашему дорогому Ростиславу Андреевичу. Перестань думать о нём и иди лучше ко мне, – она обхватила его рукой за шею и, притянув к себе, легла на спину, увлекая его за собой.

– Когда вы узнали об этом? – Полонский гневно смотрел на начальника службы безопасности.

– Узнали неделю назад, но вам говорить сразу не захотели. Думали, возможно, показалось, и не захотели вам сразу докладывать. Сами понимаете, вопрос щепетильный и изболтать женщину, которая живёт с вами, не хотелось. Но это повторилось снова, когда мы вчера вечером просматривали все записи, которые велись в офисе. Эта камера была установлена в архиве и в конференц-зале только на прошлой неделе и об этом ещё никто не знал.

– Понятно. Поэтому они и надеялись, что их там никто не обнаружит, – громко ответил Полонский, по-прежнему пристально всматриваясь в экран монитора. – А кто этот мужчина, что с нею? Удалось выяснить?

– Нет. Он всё время стоит спиной к камере. В архиве плохое освещение, к тому же звукового сопровождения мы пока не смогли добиться от нового оборудования. Специалисты приедут только сегодня, устранять все недочёты. Ростислав Андреевич, какие будут распоряжения? Может продолжать и дальше всё записывать после того, как оборудование будет настроено?

– Ничего больше не нужно, – Ростислав нажал на кнопку и отключил видеозапись. – Этого более чем достаточно. Мне нужна эта запись. Сбрось мне её в телефон немедленно, – он протянул свой мобильный аппарат в руку начальника службы безопасности.

– А как же быть с мужчиной, который был с Камиллой Владиславовной? Вы хотите знать кто он?

– Меня он мало интересует. Достаточно того, что я видел её, а имя её любовника меня абсолютно не волнует. Спасибо, Игорь. Жду запись к концу рабочего дня.

– Хорошо. Я могу идти?

– Иди.

Когда Семендеев вышел из кабинета, Полонский ослабил узел галстука и откинулся на спинку кресла. Новость, которую ему сообщил начальник службы безопасности после утренней планёрки, стала для него, как внезапно разорвавшаяся за окном бомба. Внутри всё кипело от гнева и негодования. Хотелось прямо сейчас сорваться домой и посмотреть в глаза этой мерзкой змее, которую пригрел на своей груди. Грязная шлюха, которую впустил в свой дом, наставляла ему рога прямо в офисе среди бела дня, под самым его носом.

Уже точно знал, что сегодня он разрубит этот узел раз и навсегда, чтобы больше не выглядеть смешным в глазах своих сотрудников.

Он поднял трубку телефона и набрал номер руководителя службы персонала.

– Марина Ивановна, я вас очень попрошу с сегодняшнего дня начать поиск человека на должность переводчика. Полторацкая? Она у нас больше не работает. Прошу подготовить приказ о её увольнении и завтра же её рассчитать. Заявление? О каком заявлении вы говорите? Я её увольняю, своим распоряжением. Вам этого мало? – Ростислав начал повышать голос. – Да, спасибо. Документы принесите на подпись, как только будут готовы. Отбирать новых кандидатов буду сам лично. Спасибо, – он повесил трубку и, поднявшись на ноги, подошёл к окну, пристально всматриваясь в крыши зданий, располагающихся за стеклом.

Неожиданные новости заставили его потерять своё привычное спокойное состояние, и пока он не мог справиться с теми бурными эмоциями, которые сейчас разъедали изнутри его сознание, что эта дрянь морочила ему голову. И возможно делала это не только ту неделю, что зафиксировала камера видеонаблюдения, а и всё то время, пока жила в его доме и делила с ним постель и общий стол.

От охватившего его омерзения захотелось срочно покинуть кабинет и направиться в душ, чтобы отмыться от той грязи, в которую только что впервые в его жизни его окунула женщина. Когда потерял привычную бдительность и поверил той, которая этого изначально не заслуживала.

Пытаясь справиться с охватившим его гневом, он схватил пиджак со спинки кресла и направился на выход из кабинета. Время было обеденное, но ему было не до еды, она бы сейчас не полезла ему в горло от того тошнотворного рефлекса, который возникал перед глазами каждый раз, когда он вспоминал страстное видео своей теперь уже бывшей любовницы в моменты её совокупления с другим мужчиной. Ему хотелось сейчас другого. Просто выйти на свежий воздух, чтобы охладить пылающую голову, подумать и взять себя в руки, чтобы в порыве ярости не натворить что-то, что потом будет невозможно исправить.

Вечером, оставив машину в гараже, Полонский медленно направился к своему дому. Ловил себя на мысли, что был на удивление спокоен. Всё, что бурлило в нём с момента, как узнал об измене Камиллы, в течение бесконечного напряжённого дня немного поутихло. Он знал, что в его жизни скандалов, рукоприкладства и диких сцен ревности, как это было у его темпераментного друга Эльдара Томашевского, когда заставлял жену за очередной изменой, не будет.

Он всегда был спокойным человеком, и потеря Камиллы будет незначительной ступенью, которую он преодолет с лёгкостью в своей жизни. Обидно было, что впервые после развода с первой женой, как дурак привёл её в свой дом слишком быстро, поверив в искреннее желание женщины построить настоящие отношения, которые изначально были обречены на провал. Безысходность, заставившая его согласиться на предложение сестры познакомить его со своей подругой, желание забыть Лизу и погрузиться сразу в другие отношения, стали причиной его

спонтанного и плохо обдуманного поступка. Захотелось чего-то серьёзного, потому что женщины, которые периодически появлялись в его жизни после развода для интимных встреч, попросту надоели.

Дверь открыла домработница и, улыбнувшись ему, приняла из его рук портфель с документами.

– Добрый вечер, Ростислав Андреевич! Вы сегодня рано.

– Закончил пораньше. А вы разве сегодня работаете?

– Да, зашла посмотреть, как у вас дела обстоят с продуктами, и оказалось, что ваш холодильник пуст.

– Пуст? Как пуст? Я только вчера купил все продукты. Специально это сделал заранее, чтобы вам завтра не пришлось заботиться об этом.

Женщина удивлённо на него посмотрела.

– Не знаю, Ростислав Андреевич, может, я просто что-то не заметила. Пойду я на кухню. Вы раздевайтесь, и идите ужинать. У меня всё готово.

– Спасибо. Вас отвезти, потом домой?

– Нет, за мной муж приедет с минуты на минуту.

Полонский улыбнулся.

– Ну, хорошо, – он дошёл до лестницы и, поднявшись по ступеням, медленно направился в свою спальню.

У дверей остановился, словно раздумывая и решая с чего начать разговор с Камиллой. Но уже через мгновение, решительно толкнул дверь и вошёл внутрь помещения.

Осмотрев пустую комнату, остановил свой взгляд на кровати, аккуратно застеленную покрывалом. В комнате царил идеальный порядок, по всей видимости, оставленный заботливыми руками домработницы.

Он сбросил с плеч пиджак и ослабил узел галстука. Развязал его и отбросил на кровать. Расстегнув две верхние пуговицы на рубашке, медленно вернулся к двери и покинул комнату.

Анна Егоровна уже стояла в прихожей, застёгивая пуговицы на кофте. Передав в руки мужа свою сумку, она внимательно посмотрела на медленно спускающегося по лестнице Полонского.

– Ростислав Андреевич, что-то случилось? – обратилась она к мужчине.

– Нет. Скажите, а где Камилла Владиславовна?

– Я думала она с вами на работе. Я пришла в девять утра, но её уже не было дома. Поэтому я и принялась за уборку и готовку, пользуясь вашим общим отсутствием.

– Понятно.

– Что-то случилось?

– Нет, ничего.

– Вы садитесь ужинать. Я оставила всё на плите.

– Спасибо вам большое. Сейчас пойду.

Женщина отправила мужа на улицу и подошла ближе Ростиславу. Остановившись у лестницы, на одной из ступеней которой сидел Полонский, она опустилась с ним рядом и пристально посмотрела ему в глаза.

– Что всё-таки случилось? Я давно не видела вас таким.

– Каким? – Полонский натянуто улыбнулся.

– Расстроенным что ли...

– Я не расстроен. Вам показалось.

– Понимаю, не хотите говорить. Ну что ж, не буду навязываться. Я пойду, – она коснулась рукой его плеча.

– Спасибо вам за работу. До свидания.

– До свидания. Я теперь приду в пятницу, – женщина улыбнулась и стремительно направилась на выход.

Проводив её глазами, Полонский медленно поднялся на ноги, закрыл входную дверь на замок и медленно направился на кухню. Поужинав, вышел в прихожую и не спеша пошёл к лестнице, ведущей на второй этаж. Но неожиданно остановился у первой ступеньки, услышав щелчок замка входной двери.

Он поднялся по ступеням и присел в центре лестницы, сложив руки на коленях и пристально всматриваясь в приоткрывшуюся дверь, в проёме которой появилось лицо Камиллы.

Заметив его прямо перед собой, она растерянно улыбнулась.

– Ты уже дома?

– Давно дома.

– Прости, я немного задержалась.

– Была на приёме у врача?

– У врача? Нет. Зачем мне врач?

– Ты мне утром сказала, что плохо себя чувствовала.

– А, ты о насморке... – она улыбнулась. – Всё прошло, как только я немного отлежалась.

Видимо показалось, что заболела. Я ходила по магазинам.

– Купила продукты к ужину?

– Продукты? – она задумчиво на него посмотрела.

– Да, дорогая, продукты... – Полонский поднялся на ноги и медленно направился вверх по лестнице. – Ведь те, что я купил вчера, ты, по всей видимости, забрала с собой, когда уходила.

Камилла задумчиво смотрела на него. Видела что-то странное, сквозившее в его поведении. Собираясь от Куликова, она совсем позабыла о покупке продуктов. Утром она собрала в сумку всё, что было в холодильнике дома, и отвезла к Даниилу. Он был совсем неприспособлен в быту. И в отсутствие жены, его холодильник зиял абсолютной пустотой.

Она приготовила ему обед и принимала от него хвалебные отзывы и слова восхищения от вкусного домашнего ужина. Но вернувшись домой к Полонскому, попросту позабыла компенсировать утраченные продуктовые запасы.

Камилла не торопясь пошла наверх по лестнице в свою спальню. Открыв дверь, резко остановилась на пороге. Она с недоумением смотрела на Ростислава, который стремительно сбрасывал её вещи на постель, освобождая полки в шкафу.

– Что происходит? Что случилось? – закричала она и, подскочив к нему, попыталась выдернуть из его руки очередное платье, которое он собирался бросить на кровать.

Полонский остановившись, рванул тонкую ткань на себя и пристально посмотрел в её глаза.

– Это ты у меня спрашиваешь, что случилось?

– Ты что переработал сегодня? Какая муха тебя укусила?

– Собирай своё барахло, и чтобы через несколько минут духа твоего не было в моём доме! – Полонский толкнул ногой в её сторону чемодан.

Камилла, немного подумав, сделала несколько робких шагов и подошла к нему, пристально всматриваясь в его глаза.

– Слава, что случилось? Ты мне можешь объяснить? – она осторожно коснулась его плеча своей рукой.

– Пусть тебе твой любовник объяснит, с которым ты мне наставляла рога в моём собственном офисе.

Камилла побледнела.

– Какой любовник? Ты о чём сейчас говоришь?

– Это мне у тебя хотелось бы спросить какой любовник.

– Слава, ты ошибаешься. Я знаю, это всё Богатырева из кадрового отдела поливает меня грязью. Ты просто всегда ей нравился, и она хотела занять моё место. Поэтому ты должен мне поверить. Я ни в чём не виновата перед тобой. Просто завистники, ты же сам знаешь... – она резко замолчала, когда перед её глазами оказался экран мобильного телефона, на котором шла демонстрация записи её жарких постельных сцен с Куликовым в архиве офиса фирмы Полонского.

– И это скажешь дело рук Богатырёвой? – раздался громкий голос Ростислава, от которого она вздрогнула.

– Слава, я...

– Проваливай, и чтобы духу здесь твоего больше не было.

– А как же работа?

Ростислав усмехнулся.

– Работа? У тебя больше нет работы. Я думаю, с твоими феноменальными способностями в постели у тебя не будет проблем с её поиском. В крайнем случае, обратись к тому, кто тебя здесь так страстно обрабатывает.

– Слава, послушай... – она потянулась к его руке, но он резко отошёл в сторону.

– Я сказал, забирай вещи, и выметайся из моего дома. Что стоишь? – он резко обернулся.

Камилла медленно подошла к кровати и, раскрыв чемодан, начала забрасывать туда свои вещи. Руки слушались плохо, она нервничала, и слёзы готовы были брызнуть из её глаз в любой момент. Но она чётко понимала, что на то состояние, что сейчас было у Полонского, это не окажет никакого влияния. Закрыв замок, она взяла ручку чемодана и медленно направилась к выходу.

Спускаясь по ступеням, она была растеряна. Потому что понимала, что сейчас ей предстоит выслушать от Куликова, как только она сообщит ему обо всём, что случилось. Заранее знала, что её ждёт. Было обидно, что вот так глупо и нелепо всё произошло, и их план с Даниилом по одурачиванию Полонского быстро провалился, едва начавшись.

Но не уход от Ростислава беспокоил её в данный момент больше всего, и не то, что потеряла хорошую работу и жизнь в роскошном доме. Её волновала, какой будет реакция Даниила и его дальнейшие действия относительно их будущей совместной жизни.

Она боялась потерять его, боялась разрушить эту связь, длившуюся почти два года и растерять все свои иллюзии относительно своей дальнейшей судьбы, когда безумно хотелось, наконец, оказаться устроенной. Иметь дом и мужа, а не прыгать из одной постели в другую.

Она возлагала на Куликова большие надежды. Но теперь после истерики Полонского, она не знала, чем обернётся конкретно для неё, всё это происшествие. Поэтому загружая чемоданы в машину, ещё раз повернулась и взглянула на занавешенные окна их бывшей спальни, наивно полагая, что прожитое вместе время заставит его передумать о своём решении. Хотя разве такое можно принять и простить. Ведь на минуту представив, если бы сама столкнулась с изменой человека, с которым жила бы под одной крышей, была уверена, что никогда бы этого не простила.

Камилла распахнула дверь автомобиля, и так и не увидев в заветном окне своей последней несбывшейся надежды в лице Ростислава, села за руль и стремительно выехала за ворота дома.

Глава 8

Утро вторника и обилие предстоящих дел заставили Полонского собраться на работу раньше обычного. Он ещё раз внимательно осмотрел все комнаты в доме, на предмет наличия вещей Камиллы. Ему не терпелось избавиться от всего, что только могло напоминать о ней. Ростислав дозвонился своей домработнице и попросил прийти сегодня вне графика и привести дом в абсолютный порядок. И все вещи, имеющие отношение к этой женщине, отправить на свалку.

Анна Егоровна слушала его молча и лишь в конце разговора, невольно улыбнулась. Знала всегда, что эти его последние отношения не продлятся долго. Она работала в его доме уже пять лет и за это время была знакома только с двумя хозяйками. И из них только с его законной женой смогла найти общий язык. Елизавета никогда не совала нос в её работу в доме, но активно старалась помочь во всём, когда у неё было на это свободное время.

Закончив разговор с женщиной, Полонский покинул дом и, остановившись у машины, не спеша обвёл взглядом сад и улыбнулся. Несмотря на вчерашнее омерзительное происшествие в его жизни, сегодня он чувствовал внутри какое-то удивительное облегчение, когда проснулся утром. Словно избавился от чего-то обременительного и ненужного, от чего следовало бы избавиться давно, но, к сожалению, не поднималась рука.

Прекрасная утренняя погода и яркие лучи солнца, золотившие с утра верхушки деревьев в саду, лишь добавили ему дополнительные нотки хорошего позитивного настроения на весь день. Он сел за руль, завёл двигатель автомобиля и, включив негромкую мелодичную композицию, покинул территорию особняка.

Работа в офисе безудержно погрузила с головой Ростислава в будничные дела новой недели. Активные звонки партнёрам и приём по личным вопросам сотрудников, согласование новых проектов и рассмотрение списка строительных объектов под снос.

Когда к обеду немного освободился, перебрал в телефоне ряд пропущенных звонков, оставшихся после совещания. И сразу же перезвонил сестре, заметив нескончаемый ряд её СМС сообщений, выражающих одно единственное желание поговорить с ним.

– Оля, привет. Что-то случилось? – обратился он к сестре, когда услышал её голос.

– Привет. Случилось то, что ты забыл о просьбе Максимки.

– О какой просьбе?

– У него спектакль сегодня. Он говорил, что ты обещал приехать.

– Господи, забыл совсем. Во сколько?

– Через полтора часа. Мы с Кавериним сегодня отложили все встречи и дела, чтобы быть на этом представлении. Думаю, и ты бы смог это сделать. Максим очень ждёт тебя.

– Ты права. Наверное, смогу, – Полонский взглянул на часы. – Ладно, передай ему, что я буду непременно, только возможно слегка опоздаю. У меня совещание с сотрудниками бухгалтерии.

– Хорошо. Будем тебя ждать. До встречи.

Сестра положила трубку, а Полонский, протянув руку к стационарному телефону, связался с секретарём и дал указание собрать совещание на полчаса раньше.

Закончив общение с коллегами, он почти бегом выскочил из офиса, на ходу надевая пиджак и направляясь к своей машине. По дороге, нервно постукивал пальцами по рулю, когда останавливался по причине скопления автомобилей и, делая многочисленные повороты, заезжал в переулки и пытался сократить расстояние до детского сада.

Предъявив охраннику у ворот свои документы, и осведомившись, где находится зал, он быстро зашёл внутрь помещения, пересёк длинный коридор и остановился у большой деревян-

ной двери. Склонив голову, прислушался к царившим за нею звукам фортепиано и звонким детским голосам.

Ростислав осторожно провернул ручку и, приоткрыв дверь, почти незаметно проскользнул в зал и опустился на задний ряд многочисленных стульев, установленных перед импровизированной сценой специально для присутствующих родителей.

Представление было в самом разгаре и, судя по его смутным воспоминаниям сюжета этой старой русской сказки, он пропустил совсем немного. Сразу заметил во втором ряду свою сестру и её мужа с видеокамерой в руках. Они с улыбкой наблюдали за сыном, который стоял чуть в стороне от импровизированного картонного домика, изображающего Теремок, и с выражением произносил вслух выученный наизусть текст.

Ростислав с улыбкой смотрел на Максима. Серьёзное выражение лица и подходящий строгий костюмчик-тройка серебристого цвета делали образ мальчика официальным и взрослым. Чёткое произношение каждого слова без запинки, отточенное выражение и повествование.

Полонский слегка приподнял руку, когда заметил внимательный взгляд племянника, сосредоточенный на собравшихся взрослых в зале. Широкая улыбка осветила его личико, как только он заметил среди присутствующих родителей своего главного зрителя и критика, сидящего на последнем ряду.

Ростислав с умилением смотрел на маленького разбойника и в душе был безмерно горд за него. Он невольно перевёл взгляд в сторону импровизированного шёлкового занавеса и замер, заметив стоявшую возле него Урбенину с книгой в руках.

Сегодня она была так не похожа на тот простенький образ, который он привык видеть в течение нескольких последних дней, с момента их знакомства.

Строгий костюм цвета морской волны с коротким рукавом, неброский, но очень красивый макияж на лице, волосы, аккуратно уложенные в изящную ракушку и несколько свободно спускающихся на её лицо прядей, выбившихся из причёски.

Она нервно прикусывала губы и по рукам, крепко сжимающим корешок книги, Ростислав понял, что она волнуется не меньше, чем её воспитанники. Её губы беззвучно произносили текст за каждым персонажем сказки, и когда заиграла музыка, и дети запели, она подхватила слова припева с ними вместе. Улыбка и сияющие озорным блеском радости глаза освещали её нежное лицо.

Полонский невольно залюбовался ею, и, протянув руку в карман, достал мобильный телефон с намерением снять на видео последние слова окончания сказки, произносимые Максимом, но спустя мгновение, перевёл камеру на Урбенину, и снимал уже её. Улыбку, её нежный взгляд на детей, когда они облепили её со всех сторон, обнимая и поздравляя с премьерой. Бурные овации родителей и её разговор с каждым из них по окончании представления.

Максим расстегнув пиджачок, стоял возле родителей и с гордостью делился своими впечатлениями от выступления, одновременно придирчиво просматривая видео, которое сделал отец во время спектакля.

Ростислав подошёл к ним ближе и присев возле сестры, обнял за плечи племянника, который моментально обхватив ладошками шею дяди, забрался к нему на руки.

– Тебе понравилась наша постановка? – спросил он, пристально глядя в глаза Ростислава.

– Очень понравилась. Ты был просто на высоте. Это представление стоило того, чтобы оставить все наши дела с родителями и увидеть твой успех. Ведь ты задал главный акцент этого представления. От ведущего зависит многое.

Максимка был преисполнен чувством гордости и безмерной радости от того, что все трое его близких людей не переставая хвалили его игру в спектакле.

Ростислав поискал глазами в толпе родителей Урбенину, но так и не нашёл. Она видимо поспешно покинула зал с детьми, как только спектакль окончился.

– Вы сейчас домой? – обратился Полонский к сестре.

– Да, мы с Максимкой. Я сегодня свободна и забираю его пораньше из садика. А у Димы ещё встреча с клиентом. Так что мы сегодня будем вместе вдвоём. Да, мой бандит? – она обняла сына, и когда он обхватил её ладошками за шею, и расцеловал в обе щёки, заставила его попроситься со всеми и вместе с ним направилась на выход из зала.

– Ольга, на глазах меняется, – тихо произнёс Ростислав, обращаясь к Дмитрию.

Каверин обречённо махнул рукой.

– Ненадолго. До завтрашнего процесса. Хотя меня и это уже радует. Кстати, теперь у нас будет работать приходящая няня.

– Как няня? – Полонский резко повернул голову. – Она всё-таки взяла на работу няню?

– Ну а что я с ней драться буду? Знаешь, нам повезло, женщина очень хорошая и настоящий профессионал своего дела. И я в принципе остался доволен выбором Ольги. Это лучше, чем как получилось в прошлый раз, когда мы не смогли забрать Макса из садика, и ребёнок остался там один. Да, и ей самой деньги нужны, вот у нас и возник взаимный интерес.

– Деньги, деньги! Вечно всё в них упирается.

– Ну, ты же сам всё понимаешь, и знаешь об их зарабатывании не меньше, чем мы. Поверь, тебя не коснулась эта проблема, пока у тебя нет своих детей. Жизнь собачья и приходится крутиться и платить тем, кто будет сидеть с твоим ребёнком.

– У меня такого никогда не будет. Я не позволю своей жене бросать ребёнка и бежать на работу. Ребёнок должен видеть мать.

– Согласен. Я тоже бы очень хотел видеть своего сына чаще, но, увы. Ты на машине?

– Да.

– А то хотел предложить подбросить тебя до работы. Нам по пути.

– Нет, спасибо я сам доберусь. К тому же мне ещё нужно задержаться здесь.

– Задержаться? Зачем? – Дмитрий удивлённо посмотрел на Ростислава.

– Хотел поговорить о вопросах необходимой помощи. Это ведь не элитный детский сад. Может им что-нибудь нужно. Сделать ремонт, купить игрушки.

– Ну что ж, я думаю тебе давно пора заняться благотворительностью именно здесь. Полагаю, директриса будет рада твоему предложению.

– А где её кабинет не знаешь?

– По коридору, как выйдешь отсюда прямо, и последняя дверь направо.

– Хорошо, спасибо.

– Ты про Ольгин день рождения не забудь.

– Не забуду. Где решили отмечать?

– Заказали банкетный зал «Айвазовский». Там прекрасный вид на Елагин остров.

– Не был там ни разу.

– Ну, вот и увидишь заодно. Говорят, там потрясающая кавказская кухня. Так что ждём тебя в субботу к одиннадцати.

– Буду непременно.

– Ну ладно, Слава, я поехал. У меня встреча с клиентом через полчаса в ресторане.

– Давай, удачи. Пока, – Ростислав протянул руку Дмитрию и как только тот покинул зал, Полонский тоже поднялся на ноги, вышел из комнаты, направляясь в кабинет директора детского сада.

Ему не повезло. Хозяйка дошкольного учреждения уехала по делам и обещала появиться на месте только через три часа. Ждать её Полонскому было некогда, и он решил отложить общение с директором до следующего раза.

Он медленно шёл по коридору на выход. Внезапно поймав взглядом, табличку у одной из групп со знакомой фамилией «Урбенина М. В.» резко остановился. Осторожно приоткрыв дверь, заглянул в комнату и, не обнаружив ни единой живой души в небольшой прихожей, зашёл внутрь помещения и прикрыл за собой дверь.

Ростислав заглянул в группу. Столики после обеда уже были чисто убраны, и в помещении царил абсолютная тишина. Повернув голову направо, заметил приоткрытую дверь спальни, где в своих кроватках сладко спали малыши. Увидев дверь напротив, он подошёл ближе, и с интересом заглянул внутрь комнаты, сквозь узкую щель в дверном проёме.

Невольно улыбнулся, заметив Марию, сидевшую у окна с книгой в руках, которую она сжимала пальцами, когда стояла на сцене. Она уже распустила волосы, и они непослушной волной спадали на её щёки, каждый раз, как только она склонялась чуть ниже обычного, переворачивая страницы. Пиджак был сброшен на стул, и она осталась сидеть в тоненькой блузе с коротким рукавом. Маша покачивала босыми ногами и нежно улыбалась краешками губ.

Тихо приоткрыв дверь, Ростислав проскользнул в комнату и остановился на пороге, продолжая созерцать её увлечённое состояние и полное отсутствие сосредоточенности на том, что происходило вокруг неё.

Словно почувствовав чьё-то постороннее присутствие, она резко повернула голову и, заметив его, стремительно подскочила на месте. Но слегка оступившись, снова осела на стул и сморщилась от боли.

Полонский стремительно подошёл к ней и присел перед ней на корточки. Он пристально всматривался в её лицо, слегка нахмурившееся от приступа острой боли.

– Простите, пожалуйста, Мария Владимировна. Я не хотел вас напугать. Очень больно? Здравствуйте.

– Здравствуйте. Ничего страшного, сейчас пройдёт. Я просто не ожидала вас здесь увидеть. Вы, наверное, хотели увидеть Максима? Но его нет в группе. Мама сегодня забрала его сразу же после выступления.

– Я знаю об этом, потому что я был на представлении.

– Вы смотрели спектакль? – она смотрела на него несколько удивлённо.

– Смотрел и мне очень понравилось.

Она улыбнулась.

– Я рада, что вам понравилось. Мы очень старались с малышами.

– А что это? – он показал глазами на книгу, которую она до сих пор сжимала в своих руках.

– Это сценарии для проведения детских утренников. Подыскиваю новый вариант для проведения спектакля к празднику золотой осени.

– Ну, это ещё будет не скоро.

– Вы правы. Но подумать стоит уже сейчас, потому что в августе я уйду в отпуск.

– А как же ваши воспитанники?

– Обычно в это время многих забирают родители. Уезжают в отпуска на море и возвращаются только в сентябре. Поэтому я всегда беру отпуск именно в это время.

Пока она говорила, Ростислав скользил взглядом по её лицу, не отрываясь ни на минуту, чем смущал её и заставлял опускать глаза. Когда она закончила свой рассказ, он снова посмотрел на неё.

– Мне пора, Мария Владимировна, – тихо произнёс Полонский, взглянув на часы. – Было очень приятно пообщаться с вами, – он поднялся на ноги.

– Мне тоже, – тихо произнесла Маша и, попрощавшись с ним, пристально смотрела ему вслед, пока он не спеша направлялся на выход из комнаты. – Ростислав Андреевич...

Раздавшийся за его спиной её тихий голос, заставил резко повернуться. Он посмотрел на неё вопросительно.

– А вы зачем заходили? Вы так и не сказали, – она смотрела ему прямо в глаза.

Он немного подумал и улыбнулся.

– Просто шёл мимо группы и захотел увидеть вас.

Она промолчала, но глаз своих не отвела.

Полонский, так и не дождавшись больше от неё ни слова, улыбнулся и вышел из кабинета.

Маша подошла к окну и, отодвинув занавеску, смотрела, как он медленно шёл по дорожке, пересекая сад и направляясь к воротам. Высокий и статный, с уверенной походкой, он стремительно удалялся к воротам, оставляя ей мысли для размышления его такого спонтанного и неожиданного появления перед нею в группе.

Он слегка напугал её, когда неожиданно предстал перед нею на пороге комнаты и сколько он простоял там до этого, она затруднялась ответить. Полонский стал сегодня, словно олицетворением её визуализации. Ведь, когда шло представление, она украдкой посматривала в зал, в надежде увидеть снова его карие с озорным блеском глаза и ослепительную улыбку. Но видимо он сидел где-то в гуще остальных родителей. И только поэтому, она его так и не увидела.

Невольно в течение дня она возвращалась мыслями к их встрече в парке. Её сердце, разбитое на части после брака с Иверским, невольно оживало в присутствии Полонского. Она не могла дать этому пока объяснения. Но испытывая определённую робость в его присутствии, её очень сильно тянуло к нему. Рядом с ним она ощущала какое-то удивительное спокойствие, хоть и заранее запрещала себе даже думать о чём-то большем, чем просто неожиданные встречи, связанные с её работой в детском саду и воспитанием его племянника. Такой человек не может ею заинтересоваться никогда. Такая калека, как она, обречена на вечное одиночество.

Как только машина Полонского отъехала от ворот, Маша задвинула занавеску и, поставив книгу на полку, направилась в группу, будить своих воспитанников.

Рабочая неделя в кутерьме дел, деловых поездок и встреч закончилась стремительно. Полонский ехал по дороге, направляя машину по месту расположения ресторана «Айвазовский», где сегодня его сестра отмечала своё тридцатилетие.

Он перевёл взгляд на сидение рядом с собой, на котором покоился роскошный букет любимых сестрой белоснежных роз. И жемчужное ожерелье в футляре чёрного цвета с изящным инкрустированным замочком. Украшение, о котором Ольга мечтала давно.

Взглянув на дорожный указатель, повествующий, как проехать к ресторану, Полонский повернул машину направо и остановился у поста охраны, предъявляя свои документы и приглашение не торжество. Он припарковал машину на стоянке, прилегающей к территории и, забрав из салона подарки для сестры, медленно направился к открытой террасе, куда его пригласил распорядитель мероприятия.

Остановившись у невысокой изгороди, Ростислав обвёл взглядом закрытую парковую территорию с вековыми деревьями, красивое здание самого ресторана, расположенного на берегу Невы, собственный причал и прекрасный живописный вид на Елагин остров.

Расставленные на открытой террасе многочисленные круглые столики на семь персон каждый, постепенно заполнялись цветами, хрустальными бокалами, столовыми приборами и карточками с фамилиями приглашённых гостей.

Он нарочно приехал чуть раньше положенного времени, чтобы без суеты и людской толчеи поздравить сестру с днём рождения.

Ольга появилась перед его взором в сопровождении отца и мамы, и стремительно направилась в его сторону.

Ростислав тяжело вздохнул, в предвкушении. Знал, что сейчас начнутся слова порицания и осуждения со стороны родителей и, заметив пристальный взгляд матери, заранее зажмурился в ожидании нагоняя в свой адрес.

– Явился, наконец, блудный сын, – раздался нежный мелодичный женский голос. – Не прячь, не прячь глаза. Ну-ка посмотри на меня.

Ростислав приоткрыл глаза и улыбнулся.

Ирина Александровна стояла напротив него, оперев руки в бока, и осуждающе смотрела на него. Как всегда, красивая и ухоженная, в роскошном платье изумрудного цвета, с озорным блеском в глазах и напускной строгостью во взгляде.

– Мама, здравствуй, родная! – он склонился и коснулся её щеки губами. – Я соскучился.

– Здравствуй. Соскучился он... – она нежно потрепала его пальцами по щеке. – Если бы соскучился, то давно бы был у нас с отцом в гостях. А почему ты один? Где Камилла? – женщина осмотрелась по сторонам.

– Мама, Камиллы больше нет.

– Как нет? И эта сбежала? – женщина схватилась рукой за сердце. – Ты не исправим! Что ты делаешь такого, что все женщины уходят от тебя?

– Ира, оставь его в покое. Подумаешь, расстались. Это что трагедия? – раздался за её спиной голос мужа. Он протянул руку сыну и обнял его за плечи. – Рад тебя видеть, сынок. Привет. Как дела?

– Привет, папа. Всё в порядке.

– В порядке? Андрюша, ты всё потакаешь ему и не задумываешься, что такими темпами он останется один на всю жизнь, без жены и детей, – не унималась Полонская.

– Не останется. Успеет ещё, и жениться и ребёнка родить, – Андрей Николаевич обнял жену за плечи.

– Я не понимаю... – она смерила мужа гневным взглядом. – Ты должен меня поддерживать, а не защищать его. Он погряз в своей работе и совсем не думает об устройстве своей личной жизни. А я хочу ещё успеть понянчить и других своих внуков, а не только Максимку. Думаете, я вечная?

Ростислав улыбнулся и обнял маму за плечи.

– Тебе мало одного разбойника? Хочешь совсем потерять покой.

– Я хочу, чтобы ты не был один, а был рядом с хорошей женщиной, которая сделает тебя счастливым. Хочу, чтобы ты был обласкан её любовью и заботой.

– Мама, ты же знаешь, я уже пытался построить свою жизнь с Лизой, и что из этого вышло, ты помнишь?

– Лиза, хорошая девочка, но она была слишком молода, легкомысленная и ветреная, а тебе нужна женщина любящая, заботливая, красивая, твоего возраста и желательна из хорошей семьи.

– Мама, тебе не кажется, что слишком много условий для одного человека? Не находишь?

– А что? У меня и кандидатура есть подходящая. Извицкие сегодня здесь будут всей семьёй, и я думаю, Ирма была бы для тебя великолепной партией.

– Боже, только не это. Я сюда приехал отдохнуть, а не участвовать в конкурсе невест. Оля, ну хоть ты скажи ей, или я сразу уезжаю домой.

– Мама, ну действительно, оставь ты его в покое с этой женитьбой. И дай спокойно отдохнуть.

– Ну, отдыхай. Я больше слова не скажу. Только потом на склоне лет не жалуйся мне, что ты один, – она погрозила сыну пальцем.

Ростислав рассмеялся и, поцеловав мать в щёку, направился вместе с ней к одному из столиков. Спустя несколько минут подошёл к сестре и, вручив подарки, поздравил и расцеловал её в обе щёки.

– Извини, родная, хотел начать с поздравления, но мама изменила все мои планы.

Ольга улыбнулась и прижала к себе цветы, вдыхая их аромат.

– Она непременно хочет женить тебя и у неё идея фикс, чтобы это случилось, как можно скорее.

– Вот это меня и пугает.

– Кстати, прости, не спросила у тебя сразу, как ты справился со всем этим, что произошло с Камиллой?

– Нормально. Мне кажется, я даже вздохнул свободно, когда её не стало в моём доме.

– Ты прости меня, что свела тебя с ней. Димка меня ругал, за это сводничество, и в отличие от меня, сразу сказал, что она шлюха. Только я, как дура повелась на её образ столетней давности, когда училась вместе с ней и знала её совсем другой.

– Ты ни в чём не виновата. Я сам виноват. Не увидел этого в ней сразу же и верил ей безоговорочно. И меня даже не смутило, что она переехала ко мне с такой лёгкостью, сразу же на следующий день после первого свидания.

– Тебе просто нужно было отвлечься и сосредоточиться на другой женщине, чтобы забыть Лизу. Я ведь вижу, ты её любишь до сих пор.

– Любил, так будет вернее сказано. Я понимаю здраво, что возврата к прошлому не будет. Она теперь принадлежит другому мужчине, и они любят друг друга.

– Ты прав, к тому же теперь ещё и ребёнок связывает их жизни, а это очень серьёзно.

– Ты права. А Дима где? – Полонский осмотрелся по сторонам.

– На реку пошёл с Максимкой и няней.

– Вы привезли няню?

– Да. Сам видишь, мне сегодня некогда с этими многочисленными гостями, а она согласилась помочь мне и присмотреть за Максом. Знаешь, я думаю, ей очень нужны деньги. Отец на пенсии, мать работает, но зарабатывает копейки, как и она сама.

– А ты хорошо её проверила, чтобы доверять ей своего сына?

– Поверь мне, очень хорошо. Лучшего варианта и придумать было невозможно. Уж с кем с кем, а с ней я готова оставлять своего сына без всякого опасения.

– Ты так говоришь, словно она твоя старая знакомая.

– Ну, старая не старая, а надёжная это точно. Да, вот они, кстати. Я сейчас вас с ней познакомлю, – Ольга показала в сторону реки, где на поляне показались Дмитрий, который держал Максимку на шее, и молодая женщина в длинном платье белоснежного цвета с каким-то пёстрым рисунком по краю юбки.

Её волосы развевались от порывов свежего ветра и она, поправляя их пальцами, периодически убирала пряди за ухо, улыбалась и о чём-то оживлённо разговаривала с Кавериним.

– Нас не нужно знакомить. Мы знакомы с воспитателем Максима, – тихо произнёс Полонский, обращаясь к сестре, как только его лёгкое потрясение от увиденной картины слегка рассеялось.

– Ты знаком с ней? – Ольга задумчиво на него посмотрела.

– Знаком и очень неплохо.

– Вот как? Ну и каково твоё мнение? Хороший я сделала выбор?

– Выбор хороший, только ты видела, что у неё большая нога?

– И что?

– А то, что отработав пять дней в садике, ей будет тяжело ещё и следить за Максом в выходные.

– Славик, я же её не заставляла насильно. Просто предложила, а она с удовольствием согласилась. Она одинокая женщина, живёт с родителями, и я думаю, ей не помешают дополнительные денежные средства.

Полонский понял, что с сестрой вступать в диспуты бесполезно и портить ей праздничное настроение не захотел. Когда Дмитрий и Маша поравнялись с ними, он поздоровался и, поцеловав Макса в щёку, переключил всё своё внимание на Урбенину.

Но она на него не смотрела и была сосредоточена только на своём воспитаннике. Поговорить им не удалось, потому что постоянно прибывающие гости полностью завладели его вниманием. Каждый непременно справлялся о его делах, личной жизни и Полонский вздохнул с облегчением, когда их, наконец, пригласили всех к столу.

Маша сидела за самым крайним столом и держала Макса на коленях. Она кормила его и нежно поглаживала пальцами по волосам. И когда мальчику надоело сидеть на одном месте, она взяла его за руку и медленно направилась вместе с ним через лужайку к причалу.

Ростислав не упускал их из виду ни на минуту. Лишь периодически возвращался к разговорам, царивших за его столом и отвечал на многочисленные вопросы своих родных. Когда на оркестровой площадке заиграла музыка в исполнении приглашённой группы, он моментально ретировался из-за столика, пытаясь избежать навязчивого предложения на белый танец от дочерей Извицких.

Он медленно шёл в направлении причала. Поднявшись по ступенькам на деревянный настил, остановился, пристально всматриваясь в сторону Урбениной и племянника.

Максим сидел на коленях у Маши и о чём-то увлечённо её расспрашивал.

Полонский подошёл ближе, остановился с ними рядом, и присел возле неё.

Мария взглянув на него, улыбнулась, и снова опустила голову, нежно касаясь губами белокурых прядей волос Максимки.

– Не ожидал вас увидеть здесь на семейном празднике, да, ещё в качестве няни, – обратился он к ней и невольно улыбнулся, когда Максим подкрался к нему сзади и запрыгнул на спину, крепко обнимая его руками за шею. – Ах ты, разбойник! – пожурил племянника Ростислав и, осторожно перебросив его через плечо, опустил к себе на колени.

– Вашей сестре понадобилась няня для Максимки. Я согласилась, когда она мне предложила.

– Вам нужны деньги?

– Дело не только в деньгах, хотя... и в них тоже. Мы сейчас делаем ремонт дома, и средств уже ушло немало. Но дело в первую очередь в том, что мне нравится быть с Максимкой. Я всё равно не занята в выходные и с удовольствием буду помогать вашей сестре. Мы прекрасно ладим с мальчиком. И так я думаю, будет удобно всем. На случай, если вдруг родители не смогут забрать его из садика, я оставлю его у себя дома, – она нежно провела пальцами по щеке малыша, который внимательно слушал, о чём они говорили.

– Значит, вы не постоянная, а только приходящая няня?

– Да, постоянной няней я бы в любом случае не смогла стать, потому что я работаю в саду.

Ростислав задумчиво смотрел на неё, и когда из зала ресторана раздалась новая медленная композиция, он протянул свою руку Маше.

– Давайте потанцуем.

Она удивлённо на него посмотрела.

– Ростислав Андреевич, я думаю это не очень хорошая идея. Я ведь не смогу вам составить хорошей пары для танца со своей ногой.

– А вы забудьте об этом, и просто слушайте музыку.

Она улыбнулась и немного подумав, протянула ему свою руку.

Полонский опустил племянника на пол и помог Маше подняться. Наказав Максиму никуда не трогаться с места, он провёл Урбенину в центр причала и, подняв руку, осторожно коснулся пальцами её руки.

Она подняла глаза и пристально всмотрелась в его лицо.

Ростислав коснулся второй рукой её талии и слегка прижал её к себе, медленно увлекая за собой в такт музыки.

Она двигалась медленно, поддерживаемая его сильной рукой, тепло которой она ощущала на своей талии. Его пальцы, сжимающие её ладонь, были мягкими, и словно обволакивая невидимой вуалью, притягивали к нему ещё ближе.

Словно растворившись в звуках музыки, они казалось, отрешились от всего, что их окружало. Не моргая, смотрели друг на друга, словно пытались рассмотреть каждую чёрточку лица. Слегка смущённые взгляды, сменились уверенными, приправленными лёгкими улыбками и сиянием глаз друг друга.

Внезапно Маша почувствовала, как он нежно погладил её пальцы, не отпуская её ладони из крепкого замка своей руки. Она с тревогой взглянула в его лицо и, заметив его пристальный взгляд, опустила глаза.

Почувствовав на своих ногах цепкие ручонки маленького сорванца, они с улыбкой опустили глаза вниз. Максимка крепко обнимал их обоих и ослепительно улыбался.

Подхватив его на руки, Ростислав рассмеялся и несколько раз подбросил его в воздух. Поймав в очередной раз, крепко расцеловал в обе щёки и, взяв Марию за руку, медленно направился к остальным гостям.

Вечером, попрощавшись с сестрой и родителями, Ростислав дошёл до парковки и, открыв двери автомобиля, сел в салон и вставил ключ в замок зажигания. Откинувшись на спинку кресла, задумался, куда ехать. Домой не хотелось.

Достав телефон, пролистал список контактов и, остановившись на нужном номере, набрал его и принялся ждать ответа. И как только абонент, которого он не видел давно, ответил, Полонский улыбнулся.

– Привет, Саша!

– Привет, Славик. Какими судьбами? Снова что-то случилось?

– А ты считаешь, что я могу позвонить тебе, только если что-то случится?

– Ну, последний раз, когда общались основательно, мы с тобой расстались не на лавочке в парке. И принимали совместное участие далеко не в безопасном мероприятии, – Воропаев рассмеялся.

– Вот поэтому, я и решил исправить нашу последнюю скомканную встречу. Ты в Питере?

– Вчера только вернулся из Владивостока.

– Новое дело?

– Да.

– Можно к тебе?

– Приезжай, конечно. Давно не сидели по-дружески.

– Купить что-нибудь?

– Ну, разве если только торт к чаю. Ты же за рулём и рюмашку себе позволить не сможешь?

– Ты прав. Да и повода особого нет.

– Ну, тогда жду. Ты, когда будешь?

– Я сейчас на Приморском.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.